

Эль Вейн

Зеркало путей

Эль Вейн

Зеркало путей

«Автор»

2026

Вейн Э.

Зеркало путей / Э. Вейн — «Автор», 2026

Когда клиент спрашивает Екатерину Львовну: «В чём мой путь?» — перед ней вспыхивают нити его жизни: слава, тихая сытость, позднее признание. Бывший топ-менеджер по подбору персонала, она ушла из корпорации, когда дар перестал помещаться в офисную жизнь, и теперь принимает в Москва-Сити тех, кто потерялся. Дома её ждут кот Аристарх Игнатьевич, патефон, включающийся сам, и соседка-актриса, которая знает о даре больше, чем говорит. А потом в кабинете появляется человек, пришедший не за ответом. Марк Волжин, нейрофизиолог и охотник за чужими способностями, хочет не понять дар, а скопировать его. Вскоре клиенты получают прогнозы, которых она не давала, в зеркалах мелькает её двойник, а нити, которые она читала годами, путаются у неё под руками. Магический реализм о Москве, где под мрамором старых подъездов ещё водятся чудеса, а главный вопрос не «какой путь выбрать», а «кто будет выбирать за тебя»

© Вейн Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Московское утро	6
Нить музыканта	13
Женщина на пороге	17
Подросток и тишина	23
Ложный вопрос	28
Тени в сети	34
Встреча у шкафа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эль Вейн

Зеркало путей

Зеркало путей

Московское утро

Утренняя Москва прекрасна весной. На Набережной Москвы-реки жизнь начинается около пяти утра, когда первые лучи солнца пронзают водную гладь, указывая дорогу уткам и кораблям, снующим в поисках своего места. Екатерина открыла глаза и посмотрела на окно, плотно затянутое шторами блэк-аут, надежно оберегающими ее сон от назойливого утра. Она потянулась и резко села на кровати, опустив свои ноги в теплые меховые тапочки с помпоном. Стопы, едва коснувшись меха, распространили негу по всему телу. Накинув шелковый халат поверх пижамы, женщина окинула себя взглядом в старинном зеркале, улыбнулась сама себе и пригладила растрепанные во сне волосы. Утру суждено было заглянуть в эту обитель прекрасной леди, а потому нажатием кнопки на прикроватной тумбе, получили приказ разъехаться в разные стороны, обнажив убранство комнаты перед яркой звездой Солнечной системы.

Спальня Екатерины, или как она сама называла это пространство «Сонный будуар», мгновенно пронзился миллионами разноцветных солнечных лучей, добавляя витамин «Д» даже в структуру старинного комода, вставшего на их пути. Ее кровать с кованным подголовником и разбросанными постельными принадлежностями, тумбочки, заваленные книгами и блокнотами и даже шелковый восточный ковер с хитрым орнаментом, казалось, радовались новому дню и выглядели в этом бесподобном майском утре особенно уютно.

Екатерина привыкла просыпаться раньше будильника, который по старой привычке заводила на 5:30 утра. Будильник каждый раз звонил, выводя ее из состояний утренних ритуалов в самый неподходящий момент. Каждый раз она зарекалась выключать его сразу после пробуждения, однако, увлеченная сказочной красотой каждого утра, забывала это сделать. Так случилось и сегодня. Будильник предательски зазвонил своим противным журчанием в тот момент, когда она насыпала в турку кофе, готовясь вкусить чудесный аромат продукта турецкого земледелия. Екатерина от неожиданности уронила ложку и просыпала кофе на зажженную плиту, который тот час начал гореть, источая запах костра.

- Началось в колхозе утро, - произнесла Екатерина, выключая плиту и стремглав вбегая в комнату.

Будильник нашелся не сразу, намеренно спрятавшись под открытый томик «Мастера и Маргариты», который Екатерина решила проштудировать накануне в поисках некоторых ответов. Заглушив раздражающего друга, она уткнулась в открытую страницу произведения.

- «Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо...» - прочитала вслух Екатерина первую строку, попавшуюся на странице и усмехнулась. – Интересно, что день грядущий мне готовит с этой прекрасной фразой.

Екатерина вернулась на кухню, чтобы сделать вторую попытку в приготовлении утреннего напитка, по крайней мере, ей удалось без неприятностей насыпать ложку перемолотого в пыль кофе в турку с холодной водой и поставить эту смесь готовиться на раскаленную плиту.

Пока кофе томился в емкости, она осмотрела пространство. Из темного коридора слышались шорохи. Томный рыжий кот вальяжно вошел в кухонную зону и вопрошающе замяукал, глядя хозяйке в глаза своим зеленым пронзительным взглядом.

- Сейчас, буду тебя кормить, - пообещала хозяйка, вскрывая новую пачку корма. Кот заметно воодушевился и начал нарезать витиеватые круги, обозначая всю свою привязанность и желание быть сытым.

Миска с кормом перекочевала на пол, кот последовал за ней. Екатерина погладила кота, вспоминая, как однажды этот стервец в юном возрасте ворвался в ее жизнь через приоткрытую входную дверь и остался жить навсегда. Это был не самый лучший период в ее жизни, она переживала скоропалительный развод. В это же время ее сын объявил о намерении стать

летчиком гражданской авиации и улетел учиться в другую страну. В ту бытность Екатерина возглавляла HR отдел в одной из крупных IT-компаний Москвы, работа спасала ее от одиночества и тишины, к которым сложно было привыкнуть.

Тогда появился он – рыжий, зеленоглазый и лохматый комок, вкатившийся за ней в подъезд и проследовавший до самого восьмого этажа. Погруженная в свои мысли, она не заметила, как это существо проникло с ней в квартиру и начало требовательно оповещать о своем присутствии. Комок был отмыт и накормлен, превратившись из крошечного монстра во вполне красивое вальяжное животное со встроенной тарактелкой и странным аристократическим характером. Он любил пить чай с молоком из фарфоровой чашки, знал, как включить патефон и по-светски общался с гостями. Кот испытывал тягу к украшениям и периодически утаскивал их в какие-то свои тайники. Особую страсть рыжий испытывал к антиквариату. Он подолгу рассматривал картины в гостиной и терся о бронзовые статуэтки, привезенные в далеком прошлом ее отцом из дальних загранич.

Хозяйка долго подбирала ему имя, потом все же остановилась на благородном «Аристарх Игнатьевич», по имени мужа ее соседки Анны Петровны Ковальской, вдовствующей актрисе преклонных лет. Соседка, не в пример другим знакомым, посещающим дом Екатерины, вела себя с Аристархом Игнатьевичем строго, но определенно обожала своего новоиспеченного соседа. Тот, несомненно, отдавал должное и угощался всеми вкусняшками, любезно приносимыми в дом Анной Петровной. Не брезговал даже пирогами со щавелем, которыми славилась пожилая актриса, а потом с довольной мордой совершал свой утренний моцион, лежа на подоконнике между горшками с цветами, намывая свою блестящую шерсть и окутывая томным взглядом происходящее на улице.

Кофе в турке начал подходить к своему лучшему состоянию, когда активная пенка с пузырьками тянула жидкость вверх, однако не кипела. Подсчет пузырьков в ожидании готовности кофе был излюбленным занятием Екатерины и входил в ежедневные ритуалы. Если на поверхности образовывались редкие семь пузырьков – день определенно несет удачу в делах и легких клиентов. Девять говорили о жарких спорах, а если пена пузырилась, то это означало ни что иное, как плохо смытое средство для посуды.

Сегодня пузырьков насчиталось тринадцать, что в пузырьковой иерархии Екатерины означало сложного клиента. Для нынешней бодрящей чашки кофе был выбран фарфоровый сет из коллекции Императорского Фарфорового Завода с синими вензелями на белом фоне в обрамлении золотой каймы. Вкус к фарфору и антиквариату ей был привит отцом, который неплохо разбирался в этом и при каждом удобном случае демонстрировал дочери интересные истории относительно каждой реликвии. От отца в наследство ей также достался массивный дубовый стол, который считался особенно ценным, поскольку передавался из поколения в поколение. Только год назад Екатерина провела его реставрацию, теперь он сверкал свежим лаком, но при этом не утратил запаха дерева.

Если заглянуть на остальную часть обители Екатерины, то это были по-настоящему монументальные вехи истории. Начиная с самого дома на набережной, величественно нависающего над рекой, грозящий своими колоннами и высокими сводами всякому мимо проходящему. Квартиру в этом доме получал еще дед Екатерины, потом она перешла по наследству к отцу. Дед был профессором медицины и слыл магом и чародеем в узких кругах. Отец Екатерины не двинулся по стопам деда и стал историком, однако обладая острым умом и сообразительностью, сколотил не дюжую карьеру в своих кругах, остановившись на статусе доктора исторических наук. Льва Евгеньевича всегда интересовали истории прошлого, а любимой фразой была: «Чем больше я узнаю, тем больше понимаю, как мало я знаю». Эта фраза настолько часто звучала из его уст, что стала неким сопровождающим символом для Екатерины в процессе любого обучения и последующей карьеры. Она была «вечным учеником» и приветствовала это качество в каждом, с кем ей доводилось общаться.

Чего стоил подъезд этого шикарного монументального дома! При входе через массивную деревянную дверь, открывается большое фойе с мраморными полами. Высота потолков с лепниной настолько велика, что каждый шаг отдается эхом, и если по фойе идет сразу два человека, то стук поступи похож на диалог из глубины времен. Маленькие дети любят развлекаться, бегая по всегда идеально начищенному мрамору и слушая свои шаги.

Квартира Екатерины Львовны располагается на восьмом этаже. Это вместительные апартаменты, отличающиеся высокой ценой, прекрасными видами и элитным статусом проживающих соседей. Почти двести квадратных метров вмещают мастер-спальню, в который почивает сама хозяйка. Спальня оснащена гардеробной и отдельным санузлом. Две гостевых спальни всегда готовы к приему своих постояльцев, однако сейчас, когда сын героини улетел на обучение, простаивают без дела. Шикарная гостиная, совмещенная с кухней обставленная антикварной мебелью и предметами искусства оформлена в голубоватых тонах и могла бы стать артефактом для съемок какого-нибудь сериала о жизни великих русских людей. Каждая вещь в этих интерьерах имеет свою историю и смысл.

Екатерина никогда не любила бессмысленных вещей, предпочитая минималистичные интерьеры, однако не могла пройти мимо захватывающих книг и вещей со своей историей. Потому в ее рабочем кабинете, помимо массивного дубового стола, располагается не менее массивная дубовая библиотека, наполненная редкими старыми изданиями, а также современной литературой.

После развода, Екатерина первым делом затеяла ремонт, чего она так долго не могла добиться от мужа и сына. Взяв в свои руки реновацию, она было задумала сделать интерьер более современным, однако, дизайнер, которую она наняла для реализации проекта, настолько была восхищена некоторыми предметами антикварного быта, что уговорила хозяйку сделать только минимальные изменения. Весь интерьер дома светился от чистоты, белых, голубоватых тонов, оттеняемый бронзой. Белоснежная кухня во французском классическом стиле нашла свое место среди реликвий, а старинная мебель была перетянута и отреставрирована под интерьерные задумки. В итоге, Екатерина получила самый современно оснащенный дом, где все было подвластно искусственному интеллекту, однако, сохранила дань уважения к старине. Единственным «темным уголком» ее шикарной квартиры остался тот самый кабинет. Он как будто выделялся тем, что был потаенным местом, собирающим в себя всю основу антикварного существования. Важными звеньями, связывающим интерьеры кабинета и остальной части квартиры, явились кожаное кресло в светлых оттенках, сделанное на заказ и ковер ручной работы в голубовато-бежевых тонах, лежащий под массивным столом.

В квартире Екатерины очень много окон, свет льется из всех комнат, поэтому было решено оснастить их шторами блэк-аут, чтобы ничто не могло потревожить сон хозяйки и ее гостей. Дизайнер была не очень довольна этим решением и то и дело сетовала на то, что редко найдешь такие светлые квартиры в современной Москве. Однако, подчинилась и вместо подвязанных грубым шнуром голубых штор с бронзовой бахромой, появились занавески в пол в основном цвете интерьера стен.

Вернувшись мыслями в сегодняшний день, Екатерина подошла к окну, по глотку попивая обжигающий черный кофе. Ее любовь к тому, чтобы наблюдать за просыпающимся городом, формировалась годами. Некогда она работала в крупной IT- компании, каждый ее шаг был просчитан до мелочей. Сейчас, после открытия дара, о котором дорогой читатель узнает позднее, рутина утра была подвластна ей и давала великую ценность – размеренное и качественное наблюдение за собой, своим состоянием и людьми, без спешки, дедлайнов и бесконечных корпоративных дум. Телефон молчал, чаты тоже, самое время насладиться своей свободой.

Покончив с кофе и накормив от пуза Аристарха Игнатьевича, Екатерина принялась за другие ритуалы, составляющие ее ежедневную рутину. Конечно, это благодарность миру, солнцу. Она проснулась в сегодняшнем дне, в отличном самочувствии, а это уже не мало. Ека-

терина достала свой дневник для записи снов. Сны в ее быту имели особенное значение, часто она находила ответы на свои вопросы именно через качественный сон. Сегодня записи были смешными и сумбурными. Начитавшись перед сном Булгакова, она смотрела сюжеты с Патриарших, оживляла героев и беседовала с Воландом о жизни в тенистой аллее. Женщина долго пыталась вспомнить, о чем были эти длинные неспешные разговоры, но картинки дня и голод Аристарха уже заменили сны, оставив вместо себя жалкие обрывки.

Было что-то о предупреждениях, нитях прошлого, которые вливаются в будущее, о его появлении то там, то тут, о билетах на его концерт. Из обрывков было проблематично составить общую картину, поэтому Екатерина Львовна записала единственную фразу: «О чем-то приятно поболтали с Воландом».

Поработав с телом через любимую хатха-йогу, Екатерина сонастроилась с новым днем. Сегодня важно равновесие и баланс, поэтому статичные асаны стали основной частью практики. Аристарх Игнатьевич вторил своей хозяйке, то и дело вытягивая лапу и замирая в неестественной позе. Гибкости кошек можно только позавидовать. Кроме висящей в воздухе лапы, Аристарх частенько забывал засунуть в рот язык, отчего смешил свою хозяйку.

Как только телесная практика была завершена, громко заиграл Шопен, изрядно испугав Екатерину.

- Да будь он неладен, - воскликнула от неожиданности женщина и поспешила заглушить старинный патефон, который время от времени сам включал любимую пластинку в самом неожиданном месте. Аристарх Игнатьевич потакал странной привычке патефона заводится самостоятельно, и, если это не происходило, он тянул свою мохнатую лапу к кнопке включения. Сегодня патефон завелся сам, кот благодарно прищурился в сторону старинного девайса и прикрыл свои томные глаза.

Екатерина позавтракала сырниками, любезно приготовленными накануне «хозяйюшкой» Марией, которая управляла квартирой в части наведения порядка и оснащения холодильника провиантом. Маша вот-вот должна явиться на свой боевой пост, ожидая, что хозяйка покинет апартаменты и упорхнет в трудовые будни.

Маша, женщина строгая, наглухо упакованная в темно-серое платье, будто из прошлого века, тихо вошла в квартиру. Увидев Аристарха на своем пути, она почтительно поздоровалась.

- Аристарх Игнатьевич, доброе утро! Как ваше величество сегодня проснулось? Полон ли ваш животик? Чиста ли шерсть? Насладились ли Шопеном?

Аристарх спрыгнул с подоконника и вальяжно продефилировал к домработнице в намерении быть поглаженным и накормленным вновь. Он искусно делал вид самого голодного в мире кота, строил жалобные глазки и просился на ручки.

- Не верь ему! – крикнула из спальни Екатерина. – Кот ел.

- О, Екатерина Львовна, вы еще здесь? Чувствуется, что вы опаздываете, любезная! – ответила Мария.

- Уже ухажу, - пообещала хозяйка, - сегодня приемы начинаются позже. Кстати, спасибо за сырники, они были великолепны!

- Не торопитесь, мон ами, - ласково ответила Маша, выглаживая шерсть кота, который с плохо скрываемой ненавистью смотрел в сторону спальни, понимая, что его замысел раскрыт, и вкусное он не получит.

Екатерина вышла из спальни. Сегодня она надела светло-голубой брючный костюм, белоснежную рубашку, шейный платок в голубовато-золотистых орнаментах. Все великолепие образа дополняли серьги из золота с бриллиантами и топазами, темно-коричневые замшевые туфли, сумка в цвет туфель и кашемировое шоколадное пальто.

- Царевна-королевна! – восхитилась образом Мария.

- Ты, как всегда, мне льстишь! – отмахнулась Екатерина. – Сегодня буду поздно! Аристарха не балуй!

Екатерина вышла из квартиры, услышав, как Маша увещевала Аристарха Игнатьевича подождать, пока хозяйка уйдет, а уж тогда начнется пир. Женщина улыбнулась, другого она и не ожидала.

Дорога до офиса была недолгой. Такси прибыло вовремя. Сквозь окна виднелись проезжающие машины и лучи солнца под разным углом сменяли друг друга, создавая интересные узоры. Екатерина вдыхала ароматы весенней Москвы сквозь приоткрытую щель окна и наслаждалась установившейся теплой погодой. Наконец, весна вступила в свои права и дала отпор дождям, ветрам и снегам. Совсем скоро набухшие почки превратятся в бутоны, пробудится новая волна жизни, свидетелем которой станем мы все.

Екатерина переступила порог офиса. Он располагается в модном квартале Москва-сити со всем великолепием современных небоскребов, магазинов, ресторанов и заоблачно дорогим жилым фондом. В офисе было тихо. Секретарь Алина, правая рука Екатерины, еще не явилась на рабочее место, явно попивая кофе в холле и флиртуя со своими соседями по зданию. Алина – настоящее воплощение минимализма с вкраплениями игривой эксцентричности. Высокая, стройная девушка двадцати восьми лет, серьезно знающая себе цену, а потому каждые отношения, будь то мужчина или работодатель, она рассматривает под микроскопом. Иногда Алина кажется старше за счет своей сдержанности и серьезности, однако, пребывая в хорошем настроении, движется по офису с грацией танцовщицы. Многие клиенты мужского пола замирают в ожидании очередного па, старательно наблюдая за каждым движением девушки, а когда этого не происходит, грустят.

Алина вбежала в офис сразу после Екатерины.

- Екатерина Львовна, доброе утро! – сдержанно, но при этом почтительно произнесла она. – Сегодня у вас фулл-хаус, все записи уже у вас в календаре.

- Доброе утро, Алина, - поздоровалась в ответ Екатерина, размещая пальто в шкафу, - ты как всегда прекрасна.

Алина улыбнулась одними губами. Сегодня было удивительное зрелище. Обычно Алина предпочитала монокром в своем образе – черный, белый, лиловый, иногда серый или приглушенный зеленый. Девушка работала у Екатерины третий год, поэтому та сумела досконально изучить вкусовые предпочтения своей коллеги. Сегодня же поверх черного платья красовался красный пояс, а на ногтях был аккуратный красный маникюр. Екатерине захотелось посмотреть, с чем связаны такие интересные метаморфозы в облике своей подчиненной. Алина считала намерение и поторопилась ответить до того, как психолог обнажит свой дар.

- Страсти бушуют, весна. Как вам известно, на прошлой неделе я рассталась с «принцем» и теперь открыта всему новому и интересному.

- Видимо, кто-то интересный уже нарисовался на горизонте? Входишь в «новую дверь»? – игриво спросила женщина.

- Пусть это останется моей тайной. Как говорил мой дед: «если ты не можешь войти в двери, проверь, дверь ли это».

- Очень логично, - подтвердила Екатерина, - что у нас на сегодня?

- Один новый клиент. Александр, придет с запросом тотального выгорания. Остальные все те же, регулярные встречи.

- Все те же на манеже, - улыбнулась хозяйка и проследовала в свой кабинет.

Войдя в пространство использования дара, коим на данный момент является просторный кабинет в модном бизнес-центре, Екатерина окинула придирчивым взглядом обстановку. Это было обязательным условием приема клиентов – комфорт до мелочей. Вообще, психолог уделяла много внимания деталям. Первой, что видел всякий сюда входящий была уютная зона, состоящая из двух массивных кожаных кресел и уютного дивана. Свет вокруг этого места был многоуровневым, можно было включить торшер на столике или более светлые споты на потолке. Все зависело от того, какая атмосфера нужна клиенту. Дар позволял Екатерине видеть

каждую деталь до прихода клиента. Когда клиент садится в одно из кресел, перед его взором предстает искусственный камин, который также задает общую атмосферу пространству. Когда камин выключался, создавалось ощущение замороженного прошлого. Метафорически Екатерина сжигала в этом искусственном пламени все воспоминания прошлого, ненужные связи и нелепые ошибки своих клиентов. Для постоянных посетителей этот камин приобретал символ освобождения от старых паттернов и убеждений. Если воспоминания все же накатывали, клиент мог выбрать сесть на диван вместо кресла, тогда он оказывался к камину спиной, и более ничего не возвращало его в вехи прошлого.

На стене напротив дивана Екатерина повесила массивную абстракцию в приглушенных тонах – подарок художника, искавшего себя в этих стенах. Это был апогей выбора правильного пути и окончания их сеансов. При взгляде на картину каждый видел свое. Она создает ощущение огромной метафорической карты, меняя свой облик в зависимости от освещения и времени суток. Картина состояла из множества разноцветных нитей, выполненных в стиле «пуантилизм». Вся палитра цветов, вплетающихся друг в друга, делала эти нити похожими на жизненные пути людей, со своими взлетами и падениями, светлыми и темными событиями. Какие-то нити очень тонкие, едва заметные, другие более основательные и яркие. Каждый посетитель обязательно обращает внимание на это восхитительное произведение искусства, оставаясь равнодушным.

Таким и был дар, Екатерины, который она открыла в себе еще будучи топ-менеджером крупной компании. При соприкосновении с людьми она видела тонкие нити – жизненные пути человека. Когда претендент на должность начинал рассказывать о своих планах на жизнь, Екатерина сразу понимала, насколько эффективен будет тот или иной сотрудник. Она славилась построением отличных эффективных команд и низкой текучкой кадров. Поначалу обладательнице дара казалось естественным чувствовать людей на занимаемой должности, она списывала это на надлежащую психологическую подготовку. Однако, одно событие, произошедшее в ее практике найма, заставило ее более серьезно обратить внимание на внутренние настройки.

Это был обычный понедельник, именно этот день она посвящала разбору резюме и назначению главных собеседований. На вакансию разработчика продукта пришла очаровательная девушка Любовь, своеобразная героиня чеховских историй. Милые светлые кудряшки обрамляли ее круглое славянское лицо, а взгляд пронзительных широко распахнутых голубых глаз выдавал развитый нестандартный ум и скорость принятия решений.

Собеседование шло по плану, были заданы ключевые вопросы, заготовленные заранее по всем правилам кадрового искусства: о последнем проекте, о любимом языке, о том, где Любовь видит себя через пять лет и отчего ушла с прошлого места. Девушка отвечала ровно, без запинок, чуть склонив голову набок, словно прислушиваясь к собственному голосу, и в ответах её было то редкое свойство, которое Екатерина ценила дороже всякого опыта: она думала вслух, и слова приходили к ней в том порядке, в каком рождались, без предварительной уборки и причёсывания.

Екатерина слушала и в то же время смотрела. В ту пору она называла это чутьём на людей, профессиональной деформацией кадровика, привычкой видеть за резюме живого человека, а светящиеся нити, тянувшиеся от собеседников, списывала на усталость глаз и хронический недосып. Нити бывали разные. Одни вились вокруг человека, как пыль в солнечном луче, другие уходили в сторону и терялись далеко за пределами кабинета, третьи обрывались, не дотянувшись до стены, и от этого зрелища ныла правая лопатка. Наблюдение было занятием приятным и почти бесплатным, вроде разглядывания чужих окон из вагона метро.

От Любви шли три. Первая, ровная и серебристая, вела в соседний бизнес-центр, в отдел, где ей предстояло бы сидеть у окна, писать код и получать премию за премию. Вторая стелилась почти по полу, невзрачная и тусклая, и в двух шагах заворачивала в комнату, откуда доносился ровный гул детских голосов; на этой нити не было ни денег, ни карьерных всплесков,

ни блеска, и Екатерина тогда ещё не умела понимать, что тусклое не означает слабое. Третья была ярче всех. Она выходила из груди девушки, вилась над столом, рассыпалась искрами и уходила вбок, туда, где в этом здании не имелось никакого хода: сквозь стену, сквозь этажи, сквозь улицу, к чему-то такому, чему у кадровика нет названия.

Вопрос сорвался сам.

- А что, если вам вовсе не нужно быть разработчиком? - спросила Екатерина и услышала собственный голос как бы со стороны, будто им воспользовался кто-то другой, плохо знакомый и слишком торопливый.

Свет в кабинете не переменялся, ничего не упало и не зазвенело, а нити дрогнули. Серебристая застыла, вытянулась струной и погасла до восковой бледности. Та, что ползла по полу, напротив, налилась тёплым светом и подтянулась, будто её позвали по имени. А яркая, самая красивая, вспыхнула напоследок и пропала; на месте её остался в воздухе тонкий след, как после сгоревшей бенгальской свечи.

- Я, если честно, не знаю, - ответила Любовь и впервые за всё собеседование опустила глаза.

Екатерина поспешно свернула на формальные вопросы, будто прикрыла ладонью горящую спичку, и до конца разговора старалась смотреть в бумаги. Оффер Любовь получила, а через месяц позвонила и отказалась: уходила в детскую школу программирования, где платили втрое меньше, а отпуск давали в июле, потому что в июне у детей каникулы. Третья нить после того разговора в её жизни так и не объявилась, по крайней мере, Екатерина больше её не видела. Была ли та яркая дорога тем, что случилось бы само собой, или тем, что она спугнула одним неосторожным вопросом, заданным не по протоколу, она не знает до сих пор.

С тех пор многое переменялось. Екатерина ушла из компании, оставила должность, за которую держалась десять лет, обустроила кабинет по собственному вкусу и придумала для себя несколько правил, простых, как домашняя утварь. Клиент задаёт вопрос сам. Сеанс длится сорок пять минут, потому что дальше начинаешь тонуть в чужих вероятностях. На столе лежат три предмета, и свеча горит белым воском, потому что свеча освещает, но не сжигает. И ещё одна фраза, которую она произносит шёпотом перед каждым приёмом, чтобы не забыть, кто здесь кому служит.

Сегодня свеча разгорелась с первой спички, кристалл аметиста лежал на привычном месте, перо павлина отбрасывало на стол длинную радужную тень, песочные часы были перевёрнуты. В приёмной слышались шаги, потом голос Алины, вежливый и чуть нараспев, каким она разговаривала с клиентами, и Екатерина поняла, что первый из сегодняшних гостей уже стоит на пороге.

Нить музыканта

Первый из сегодняшних гостей вошёл боком, придерживая дверь плечом: в одной руке покачивался бумажный стакан с крышкой, в другой болтался рюкзак, из которого торчал уголок ноутбука. Кирилл Строев, композитор, приходил к Екатерине третий раз и каждый раз занимал одно и то же кресло, левое, ближе к камину, будто проверял, на месте ли оно стоит. В этой привычке было что-то от человека, который садится за инструмент и первым делом нажимает одну и ту же клавишу, чтобы услышать, что инструмент сегодня в голосе.

- Здравствуйте, Екатерина Львовна. Простите, я с кофе, - он приподнял стакан, как поднимают руку на уроке, и поставил его на столик, стараясь не стукнуть доньшком. - У вас тут всегда пахнет как в библиотеке, которую протопили. Я, если честно, поэтому и хожу.

- Присаживайтесь, Кирилл Андреевич, - ответила Екатерина и повернула свечу так, чтобы пламя не било ему в глаза. - Рассказывайте.

Он снял с шеи наушники и положил их рядом с чашкой, бережно, как кладут очки. Сел, вытянул длинные ноги, тут же подобрал их обратно. Пальцы его нашли край подлокотника и принялись отбивать по коже что-то неслышное, но с отчётливым ритмом: три удара, пауза, два, пауза, и снова три. Он был худ до той степени, при которой свитер висит на человеке, как чехол на спинке стула, и от него тянуло уличным ветром пополам с кофе.

Верхний свет Екатерина не включала: в полумраке нити видны чётче, и человек, пришедший за ответом, меньше следит за собственным лицом. Камин она сегодня оставила погашенным, его тёмное стекло отражало комнату, кресла, свечу и в ней двоих; абстракция на стене гасила в себе последние отблески утра и походила на карту, свёрнутую в трубку. Песочные часы были перевёрнуты, белый воск оплывал ровно, без потёков.

Начинал он, как начинают почти все, с денег. Четыре года Кирилл писал «Стеклянный сад»: восемь пьес для фортепиано, виолончели и записанных на телефон шумов города. Там были скрип тормозов на повороте, вой ветра в переулке у Чистых прудов, чей-то кашель в очереди, и всё это он вплетал в живую ткань так, что шум переставал быть шумом и становился голосом. Играли «Сад» дважды. Первый раз в малом зале консерватории, где на тридцать кресел пришло двадцать семь человек, и половина, по его словам, была родней виолончелистки. Второй раз в книжном на Покровке, между стеллажами, где люди ходили за кофе и смотрели на него с тем вежливым недоумением, с каким смотрят на уличного музыканта, который мешает разговаривать.

А месяц назад человек с часами дороже его месячного дохода предложил контракт. Три года, реклама, сериалы, аранжировки, «и ты, Кирилл, наконец перестанешь считать». Деньги такие, что можно снять квартиру без соседей, купить нормальный инструмент, а не убитый «Kawai» с проваленной клавишей в третьей октаве, и годами не думать о том, чем платить за свет. Он перечислял это ровным голосом, будто читал накладную.

- И в чём тогда вопрос? - спросила Екатерина.

- В том, что я вчера доиграл последнюю пьесу и понял: если я подпишу, я её больше никогда не услышу. Не потому что не смогу написать. Потому что перестану слышать. - Он сказал это так же ровно, как о деньгах, и от этой ровности в комнате стало холоднее.

- У меня отец настройщиком был, - добавил он вдруг, глядя мимо неё, на тёмное стекло камина. - Я в детстве засыпал под то, как он гоняет строй. Рояль у нас стоял в проходной комнате, и если он не строил, я не мог уснуть. Мать говорила: тебе лишь бы повод не спать. А я слышал.

Екатерина молчала и ждала. Клиент задаёт вопрос сам, иначе говорить не с чем: на вопросе, который человек произносит своими губами, держится вся дальнейшая работа.

- Скажите, в чём мой путь? - наконец произнёс Кирилл. - Только без ваших «я не даю ответов». Мне нужно, чтобы кто-то сказал: туда.

- Тогда задайте свой вопрос так, будто уже знаете ответ, - попросила она и тронула пальцем край песочных часов.

Он усмехнулся, показал в усмешке мелкие ровные зубы, помолчал, глядя на оплывающий воск, и повторил медленнее, тише, уже без требовательности:

- В чём мой путь?

И комната отозвалась. От его худых коленей, от сжатых на подлокотнике пальцев, от груди, где под свитером билось сердце, сбившееся с ритма, потянулись в разные стороны нити, тонкие, светящиеся, ещё влажные, как всё, что только что родилось. Екатерина перестала видеть обои, свечу, стекло камина. Остались три нити и человек между ними.

Первая была золотой, толщиной в палец, и поднималась от его колен вверх, к потолку и дальше, туда, где в её воображении гудели софиты и хлопали двери съёмочных павильонов. На этой нити было много всего: стеклянные студии, люди в наушниках, его фамилия в титрах, длинные столы с закусками, автомобиль, который не нужно прогревать зимой. Но по краям её осыпался пепел, мелкий, серый, и там, где он падал на пол, оставались выжженные точки. А в самом конце, далеко, куда Екатерина дотягивалась только краем глаза, стоял зал, полный людей, и человек на сцене кланялся, и внутри у человека было тихо, как в выключенном микрофоне.

Вторая, серебристо-зелёная, не толще суровой нитки, стелилась низко, огибала кресло и уходила в город, в переулки, в подвальчик театра мест на сорок, где в зале пахло пылью и мокрыми пальто. От неё шло тепло, ровное, как от чашки, которую держишь в ладонях; на ней были репетиции до полуночи, разбитое пианино в углу, дети, которые фальшивят и хохочут, и зарплата, которой хватало на комнату, кофе и новые струны. На этой нити никто не выгорал. Там просто было спокойно, и Екатерина с удивлением почувствовала, что спокойствие тоже имеет вес.

Третья оказалась почти невидимой. Она шла от него вниз и в сторону, сквозь холод, через комнаты без мебели, через зимы, в которых топили одним свитером, через годы, где никто не ждал его за кулисами; тонкая, как трещина в стекле, она долго не светила вовсе, и только очень далеко, за всеми этими годами, начинала набирать свет, и там был зал, в котором люди стояли, потому что сидеть было негде.

- Золотая небось самая толстая? - спросил Кирилл, не видя ничего и глядя туда, где, по его мнению, должна была находиться её сосредоточенность. - Я такие вещи чувствую. Толстая и блестит.

- Толще не значит ваша, - сказала Екатерина. - Я назову то, что вижу. Выбирать будете сами.

Она говорила недолго, минуты три, и старалась не приукрашивать слова. Слава, которая выжигает вокруг человека воздух; тихая работа в маленьком театре, где его будут любить человек сто, и хватит ли ему ста человек; и долгая дорога без денег, без имени, без благодарности, с признанием где-то там, за горизонтом, до которого можно не дожить. Кирилл слушал, отбивая пальцами по подлокотнику, и с каждым её словом удары становились тише.

- А если я подпишу контракт и по ночам буду делать свой альбом? - спросил он наконец. - Так все делают. Работа кормит, музыка живёт.

Екатерина посмотрела ещё раз. Четвёртая нить появилась на секунду, тонкая, кривая, вся в узлах, как перекрученный провод, и оборвалась, не дойдя до стены, года через два, коротко и беззвучно.

- Такой путь тоже есть, - сказала она. - Он заканчивается быстро. Я не стану вас туда звать.

- Значит, остаётся выбрать из трёх, - проговорил он и посмотрел на песочные часы, где песка оставалось на треть. - Вы бы что выбрали?

- Я не выбираю за вас, - ответила Екатерина. - Я показываю двери. Входить придётся самому, и не сегодня, если сегодня не хочется.

Он сидел ещё минуты две, потом попросил разрешения не отвечать и уйти с вопросом. Она разрешила: люди уходят с незакрытым вопросом чаще, чем ей хотелось бы, и это тоже была часть работы. Кирилл поднялся, взял стакан, снял с подлокотника наушники, у двери обернулся и сказал спасибо так тихо, что звук почти не добрался до её кресла.

Дверь закрылась. И кабинет повёл себя странно. Кресло, из которого только что встали, сохраняло его форму, будто в нём всё ещё кто-то сидел, причем не один, а двое, плечом к плечу. Свеча горела двумя язычками, и оба были ровные, ни один не коптил. В тёмном стекле камина её отражение сидело чуть правее самой Екатерины, и когда она подняла руку, отражение подняло свою с опозданием на полвздоха. Три нити остались в воздухе, они никуда не делись, висели, как аккорд, который взяли и не разрешили, и от этого в комнате стояло ровное, чуть звенящее напряжение.

Екатерина не стала их трогать. Она дописала в блокнот три слова: «Кирилл. Три нити. Не выбрал», перевернула песочные часы и провела ладонью над столиком, где остывал мокрый круг от его стакана. В круге отражалась не люстра и не потолок, а длинный коридор с дверями по обе стороны, которого в её кабинете отродясь не бывало.

Где-то в стене трижды стукнуло, потом дважды, и в приёмной послышался голос Алины, которая приглашала следующего.

* * *

Из прохладного холла бизнес-центра Кирилл вышел в утро, которое уже успело стать днём. Солнце било в стеклянные бока башен, от полированного гранита поднимался тёплый воздух, охранники у турникетов переговаривались вполголоса, и всё это вместе звучало как хорошо сведённая подложка: ровно, чисто, ни одной фальшивой ноты. Он надел наушники и ничего не включил. Три нити, сказал он себе. Выбирайте сами, сказала она. Он злился, как злятся на врача, который не назвал диагноз, но выписал три рецепта и отправил домой думать.

До метро было пять минут, и он пошёл было к стеклянным дверям, но у самого входа свернул. Ему нужно было пройти. Он шёл мимо витрин, в которых отражался невысокий человек с рюкзаком и наушниками на шее, и с каждым шагом в нём поднималось одно и то же чувство, от которого хотелось снять свитер: он всё ещё был тем, кто считает, и ничегошеньки он не выбрал, и, может, зря он вообще пошёл к этой женщине с её свечой и дурацкими часами.

Ноги принесли его к музыкальной школе раньше, чем он успел решить, куда идёт. Школа занимала первый этаж старого дома с облупленной лепниной, вход был со двора, и в коридоре пахло пылью, канифолью и мокрой тряпкой. За одной дверью кто-то долбил гамму в четыре руки и сбивался на одном и том же такте, за другой девочка повторяла три ноты, будто вышивала крестиком, за третьей гудел контрабас, и всё это вместе было тем самым шумом, который он собирал четыре года и не мог собрать.

Он постоял в коридоре, слушая, и поймал себя на мысли, что вот она, вторая нить, вот её воздух: тепло, разбитое пианино, дети, которые фальшивят и хохочут. Здесь его любили бы человек сто. Только он стоял в этом коридоре как в чужой квартире, где всё своё и всё не твоё.

Мать вышла из класса с журналом под мышкой и всплеснула руками.

- Ты почему не звонишь? - сказала она тоном, которым этот вопрос задают вместо «я скучала». - Зайди хоть раз, у шестого класса сольфеджио висит, я не успеваю.

- Не сейчас, - ответил он и поцеловал её в висок, пахнувший школьным мылом.

- Всегда у тебя «не сейчас».

Он не стал спорить. Ушёл через двор, под навесом которого сушились чьи-то вареники, и до дома доехал на автомате, не заметив ни перехода, ни вагона.

Дома он поставил стакан в раковину, снял свитер, сел за рояль и открыл крышку. «Kawai» был старый, с проваленной клавишей в третьей октаве, и эта клавиша молчала года три: меха-

ник сказал, что нужен ремонт, а на ремонт нужны деньги, а на деньги нужен контракт, и так по кругу. Он положил пальцы на восьмую пьесу, ту самую, которую доиграл позавчера, и начал с начала, честно, как на экзамене.

На четвёртом такте палец попал в проваленную клавишу.

И она ответила.

Не стукнула деревяшкой, не звякнула расстроено, а дала чистую, чуть приглушённую ноту, ровно ту, какая была нужна. Кирилл замер. Потом убрал руки, посмотрел на клавиатуру, будто она могла ему что-то объяснить, и ударил ещё раз. Нота прозвучала снова. Он сыграл такт целиком, и в такте не было ни одной дырки.

Он сидел над клавишами, пока за окном не посинело, и играл все восемь пьес подряд, и ни одна клавиша больше не молчала. В какой-то момент ему стало смешно до слёз, и он подумал, что звук вернулся не потому, что он выбрал правильный путь, а потому, что он наконец услышал то, что было под пальцами.

Письмо продюсеру он написал в два часа ночи. Там было коротко: подписываю, но с условиями. Два дня в неделю мои, в титрах моё имя, уйти могу, предупредив за месяц. Отправил, не перечитывая, и лёг спать, уверенный, что утром всё это развалится.

Утром пришёл голосовой ответ: продюсер смеялся и говорил, что за пять лет никто ни разу не торговался, и что условия он берёт, потому что «такие, как ты, всё равно сбегают, так хоть по-честному».

Кирилл прочитал это дважды. Потом сел за рояль и записал на телефон скрип своей двери, тот самый, с третьей попытки открывающийся: он давно хотел его вставить, но не понимал куда. Теперь понимал. Четвёртая нить, про которую ему сказали, что она заканчивается быстро, начиналась сегодня, и он решил, что двух лет ему хватит, чтобы успеть выйти.

В коридоре щёлкнул замок, сосед включил чайник, за стеной заплакал ребёнок. Кирилл нажал на запись.

Женщина на пороге

Следующая гостья вошла тихо, будто извиняясь за свое присутствие, и остановилась в двух шагах от порога, ожидая разрешения. Женщина лет сорока пяти, в плаще цвета мокрого асфальта, с сумкой, у которой стёрлись углы, и с тем аккуратным, чуть подсохшим лицом, какое бывает у людей, давно живущих на диете из вежливости. Волосы были собраны в узел, обручальное кольцо она крутила на пальце, как крутят колечко на нитке, когда гадают.

- Проходите, Ирина Валерьевна, - сказала Екатерина и показала на кресло у камина. - Садитесь, где удобно.

Гостья посмотрела на кресло, потом на диван, стоявший к камину спиной, и выбрала диван. Это было первое, что она сказала, не сказав ни слова: те, кто садится на диван, уже решили, что прошлое им не нужно, и пришли не разбирать его, а просто посидеть рядом, как у кассы в аэропорту.

- Чай, вода?

- Нет, спасибо. - она положила сумку на колени, будто в автобусе. - Я, наверное, странно выгляжу. Мне подруга дала ваш телефон. Сказала, вы не гадалка. Вы нечто большее.

- Я и не гадалка, - согласилась Екатерина. - Просто задайте вопрос так, будто уже знаете на него ответ.

Ирина Валерьевна посмотрела на неё с той осторожностью, с какой смотрят на человека, который слишком быстро перешёл к делу, и всё-таки сказала. Голос у неё при этом не дрогнул, а наоборот, стал ровнее, будто она репетировала эту фразу перед зеркалом не один год.

- Стоит ли мне уходить от мужа?

Екатерина кивнула и стала смотреть.

Обычно из человека выходило две-три нити, иногда одна, редко больше. Здесь же их было много, десятки, и все они шли не наружу, а внутрь, к центру, где сплетались в плотный, тяжёлый клубок, похожий на моток шерсти, который кошка гоняла по полу всю ночь. Клубок этот был не серый; в нём мешались цвета, и по одним можно было узнать чужие руки. Вот голубоватая нить, тонкая до прозрачности, с узелками через равные промежутки, как у счётчика: та, что тянулась от матери. Вот сухая, песочно-жёлтая, с петлёй на конце: отцовская. Вот надёжная, темно-синяя, вовсе не злая, идущая куда-то в сторону работы и обратно: муж. Вот ещё одна, совсем юная, ярко-зелёная, с редкими искрами: дочь. Были и вовсе чужие на вид: свекрови, соседки, коллеги, той подруги, что дала телефон.

Собственных нитей Ирины Валерьевны в клубке было всего две, и обе лежали в самом низу, придавленные остальными.

- Рассказывайте, - попросила Екатерина. - Только не про мужа. Про себя.

- А как про себя, если я про себя уже двадцать лет ничего не знаю? - Ирина Валерьевна усмехнулась и снова закрутила кольцо. - Сергей хороший. Правда хороший, я не жалею. Не пьёт, не бьёт, деньги приносит, к моей маме ездит на дачу, к моему папе в больницу ездит. Девятнадцать лет. Он мне на прошлой неделе кран починил, а я стояла над ним и думала: господи, ну почему ты не сбежал, как все нормальные мужчины.

- И что вы чувствуете, когда думаете о том, чтобы остаться?

- Тишину. - она сказала это сразу, не задумываясь. - Как в библиотеке, когда все уже ушли и только лампы гудят. Не больно, не страшно. Пусто, все на своих местах и прилично.

Екатерина видела, как при этих словах клубок шевельнулся и голубоватая материнская нить натянулась, подтянув за собой остальные, будто кто-то там, на другом конце, потянул за поводок.

- Скажите, - спросила она, - если бы никто из них не узнал, что вы ушли, вы бы ушли?

Ирина Валерьевна подняла на неё глаза, и в них было такое изумление, будто ей предложили перелететь через реку без самолёта.

- А так можно?

- Я спрашиваю.

- Тогда бы... - она помолчала, и в этой паузе было слышно, как в стене трижды стукнуло, потом дважды, и как за окном на повороте взвизгнули тормоза. - Тогда бы, наверное, вчера. Я об этом думаю каждое утро, пока чищу зубы.

Екатерина увидела то, что хотела увидеть. Клубок на секунду распустился, как распускается затянутый узел, если потянуть за нужный конец, и в рассыпавшемся облаке чужих ожиданий остались две светящиеся линии: одна шла прямо и вверх, к открытой двери, за которой было незнакомо и холодно, а вторая стелилась ровно, вокруг клубка и обратно в него, кольцом, у которого нет ни конца, ни начала, и от неё исходило тепло, как от чашки, которую держишь в ладонях слишком долго.

- Хорошо, - сказала Екатерина, - теперь слушайте, что я вижу. И помните: выбирать буду не я.

Она говорила минут десять и старалась, чтобы голос её звучал как у экскурсовода в музее, где нельзя трогать руками, но можно смотреть сколько угодно. Первая линия шла вверх и в сторону от клубка, и на ней было много неудобного: разговор с мужем, от которого у него дёргается лицо; молчание матери, длинное, как зима; дочь, которая скажет «наконец-то» и потом полгода не позвонит. А дальше, по этой линии, была комната с окном во двор, кровать, в которой Ирина Валерьевна спала на своей стороне и никто не занимал вторую, и утро, в котором никто не чинил кран. Холодно, честно и можно дышать.

Вторая линия стелилась кольцом, вокруг клубка и обратно, и тепло от неё было настоящее, живое, не притворное: кухня, где Сергей варит кофе по воскресеньям, дача, мать, которая зовёт его «сынок», и сама Ирина Валерьевна, аккуратная, приличная, всеми одобренная. Платить по этой линии приходилось каждое утро, понемногу, как по счётчику, и чем дольше шло время, тем тяжелее становился клубок, потому что нити чужих ожиданий имеют свойство набухать.

- Обе дороги живые, - сказала Екатерина. - Ни одна из них не наказание. Я могу сказать, какая из них светится ярче сегодня, и не скажу, какая станет вашей через год, потому что это зависит не от меня.

Ирина Валерьевна сидела прямо, кольцо в её пальцах остановилось.

- Я всё ждала, что вы скажете: уходи, дура, чего ты мучаешь человека.

- Вы бы тогда обиделись.

- Наверное, - согласилась она и вдруг усмехнулась сухими губами. - Значит, дело не в Сергее.

- Похоже, что не в нём.

- А в ком?

Екатерина молчала. В кабинете было слышно, как в приёмной Алина переставляет папки и как далеко внизу, на уровне двадцатого этажа, гудит лифт. Ирина Валерьевна сама ответила на свой вопрос, и голос у неё при этом стал тише, будто она говорила через дверь.

- Мама. Мама этого не переживёт. У неё вся жизнь в том, что у меня всё хорошо. У неё подруги, у неё дача, у неё «а моя Ирочка» - и если я уйду, то что она скажет? Что я всё сломала? - она помолчала и добавила вовсе тихо: - Папа после инсульта. Ему нельзя волноваться. Мне врач так и сказал: нельзя волноваться, и я теперь двадцать лет его не волную. Живу по принципу: «В мир только хорошие новости.»

- Вот это и есть клубок, - сказала Екатерина. - Вы не между мужем и свободой, Ирина Валерьевна. Вы между своей жизнью и маминым лицом, когда она узнает.

Гостя сидела ещё минуты три, не глядя ни на неё, ни на огонь, ровно на том месте, где сходятся половицы. Екатерина не торопила. Потом Ирина Валерьевна выпрямилась, бережно поправила сумку и сказала с той же вежливой твёрдостью, с какой вошла:

- Я вам честно скажу. Я не уйду. По крайней мере, в этом году.

- Хорошо, что вы сказали это вслух, - ответила Екатерина. - Теперь вы знаете, что выбрали. Вторую.

- А вы меня осуждаете?

- Я здесь не для этого.

Ирина Валерьевна надела плащ, у двери обернулась и сказала спасибо так, будто прощалась не до следующего месяца, а до следующей жизни. Кольцо она больше не крутила.

В кабинете остался запах чужих духов, мокрого плаща и той особенной духоты, какая бывает после долгого разговора о чужой семье. Екатерина записала в профайл одну строку: «Ирина. Не муж. Мать» - и перевернула песочные часы.

Остальные сегодняшние встречи прошли чередой, ровно и без чудес: женщина после развода, которая приходила за подтверждением, что она ещё существует; молодой отец, у которого не было ни одной своей минуты; постоянная клиентка, которая всякий раз спрашивала про одно и то же и всякий раз огорчалась одному и тому же ответу. К семи часам свет в башнях начал наливаясь вечерним золотом, Москва-Сити за окнами стал похож на огромный аквариум, в котором медленно поворачиваются тени рыб, и Екатерина, сдав кабинет Алине, поехала домой.

Дом встретил её мраморным гулом и запахом чужого ужина. У дверей восьмого этажа, спиной к ней, возилась Анна Петровна Ковальская: ключ не попадал в скважину, ключ был стар, замок тоже был стар, обе стороны держались с достоинством.

- Дайте сюда, - сказала Екатерина, - я помогу. - Замок поддался с третьего раза, и в квартире у соседки сразу заиграло радио.

- А я вас, Катенька, сегодня слышала, - сообщила Анна Петровна, не оборачиваясь. - У вас с утра был кто-то, кто очень старался никого не расстроить. - Она обернулась, и в её глазах было то самое озорство, которое в семьдесят лет выглядит почти дерзостью. - Заходите. У меня кофе сварен и коньяк есть.

Квартира Анны Петровны была устроена как закулисье: узкий коридор с афишами в рамках, пахнувший пудрой и старым лаком, буфет с посудой, которая помнила ещё те времена, когда её доставали по праздникам, и три фотографии на стене, где молодая женщина в шёлковом платье держала за кулисами букет так, будто он мешал ей говорить. Над буфетом висел портрет мужчины в очках, с длинным лицом и добрым, слегка усталым взглядом, и современное фото Аристарха Игнатьевича, рыжего и наглого, который лежал на спинке дивана в позе, которая этому портрету решительно не соответствовала.

- Садитесь, - скомандовала хозяйка, - и не вздумайте мне рассказывать про своих клиентов, я всё равно не поверю, что люди за такие деньги не умеют сами себе сказать «здравствуйте».

Екатерина засмеялась. Иной раз именно за «здравствуйте» клиенты и приходили. Кофе соседка варила в турке, по-старинному, на медленном огне, и в чашки, тонкие, с золотой каймой, пару коричневых капель она плеснула из аптечного пузырька, в котором держала коньяк.

- От простуды, - объяснила она. - И от того, что вы сегодня пришли домой с лицом человека, который весь день держал чужое пальто.

- Я держала не пальто. Я держала за руку женщину, которая боится сказать матери правду.

- Одно и то же, - отмахнулась Анна Петровна и села напротив, и в её осанке вдруг проступило что-то такое, отчего маленькая кухня стала похожа на сцену в ожидании первого действия.

Она рассказала историю. В семьдесят девятом они гастролировали в городе, где театр топили плохо, а публика ходила на спектакли в пальто, и в «Вишнёвом саде» партнёр, игравший Лопехина, накануне загулял так, что к третьему акту забыл не только текст, но и то, в каком он, собственно, веке. И тогда Анна Петровна, игравшая Раневскую, начала подсказывать ему его же реплики, только не шёпотом из кулисы, а своими словами, вплетая их в монолог так ловко, что зал ничего не заметил, а партнёр ожил и доиграл спектакль как миленький. Наутро он пришёл с бутылкой и сказал, что она его спасла. А она сказала, что спасла не его, а спектакль, и это, согласитесь, разные вещи.

- А режиссёр ничего не заметил? - спросила Екатерина, смеясь и живо представляя эту сцену.

- Режиссёр сидел в седьмом ряду и плакал то ли от горя за испорченную пьесу, то ли от счастья, что зрители были настолько не начитаны, что даже не заметили провал, - с достоинством ответила Анна Петровна. - В итоге он решил, что мы нашли новое прочтение. Но самое интересное не в этом. Самое интересное, что я знала, что он поплывёт. Я ещё в первом акте почувствовала: в зале кто-то кашлянул не так, и он вздрогнул, и у него пошла другая спина. Актёр слышит зал, как рыбак воду. Не спрашивайте меня, как, я вам не объясню, и не надо вам это.

Екатерина посмотрела на неё поверх чашки. Она вспомнила прошлую весну, когда Анна Петровна между делом сказала, что соседу с пятого этажа скоро собирать чемодан, и через месяц его жена действительно уехала к сестре в Калининград. Вспомнила июль, когда соседка вышла на лестницу ровно в ту минуту, когда Екатерина возвращалась домой с тяжёлым сеансом, и молча положила ладонь ей на плечо, и тяжесть ушла, как уходит вода из раковины. Вспомнила, как в её собственной квартире после визита одного неприятного гостя вдруг запахло воском, хотя свечей она в тот день не зажигала.

В голове у неё начала складываться хронология, аккуратная, как столбцы в бухгалтерской книге: весна, июль, сентябрь, сегодняшнее утро. Напротив каждого пункта стояло слово, которое ещё предстояло подобрать.

- Анна Петровна, - начала она, - можно я вас спрошу...

- Не сейчас, деточка, - сказала соседка, и сказала так просто и спокойно, что вопрос сам собой вернулся в чашку. - В моём возрасте уже не хочется объяснять, как ты слышишь. Хочется, чтобы было тихо.

Она проводила Екатерину до двери, по дороге поправив афишу, висевшую криво уже лет двадцать, и задержала её руку в своей, сухой и тёплой.

- Вы сегодня весь день держали чужие двери, Катенька. Идите спать. - И добавила, уже закрывая: - И запомните: предназначение - это не цель, а темп души. Остальное подождёт до утра.

Дома Аристарх Игнатьевич обнюхал хозяйку, обнаружил на ней чужой запах и счёл нужным выразить неодобрение, усевшись спиной. Патефон сам собой завёл Шопена, Екатерина не стала его глушить. Она села в кресло, положила на колени дневник и записала не сон, а фразу: «Хронология: весна, июль, сентябрь. Спросить, когда представится случай». Потом посмотрела на строчку и поняла, что случай не представится, пока она сама его не устроит, и что устраивать его сегодня, в половине двенадцатого, с коньяком в крови и котом на подлокотнике, было бы нечестно.

Шопен кончился, игла пошла по кругу и зашипела. Екатерине срочно нужно было выплеснуть энергию. Она схватила свое пальто, наспех накинула его на домашний костюм, надела удобные кроссовки и выпорхнула за дверь.

Москва в половине двенадцатого вела себя как хозяйка, которая уже проводила гостей, но ещё не погасила свет: окна в домах гасли по одному, как свечи в конце вечера, витрины отражали друг друга до бесконечности, и в этом бесконечном отражении одиноко ехал трол-

лейбус, набитый людьми, которые делали вид, что едут не домой. Аристарх Игнатьевич остался на подоконнике и смотрел ей вслед с тем выражением, с каким провожают взрослых, уходящих в ночь без кота.

До Патриарших было двадцать минут быстрым шагом, Екатерина шла их так, как ходят люди, у которых в голове слишком много чужих голосов: не глядя по сторонам, чуть быстрее, чем нужно, и с лицом, которое в темноте можно принять за собственное. По дороге она миновала рекламный щит, на котором улыбалась женщина с зубами цвета слоновой кости, миновала банк с часовней внутри, миновала дом, где на балконе кто-то ругался по телефону с той страстью, какая бывает только у людей, говорящих в трубку, и постепенно голоса в её голове стихли, сменившись другим шумом, городским, ровным и успокаивающим.

На Патриарших было пусто и тепло, как бывает в мае, когда ночь ещё не решила, что ей делать с собой, и поэтому пахнет одновременно сиренью и мокрым асфальтом. Пруд лежал чёрным блюдцем, в котором отражалась половина фонарей и ни одного человека, липы стояли вокруг так важно, будто их посадили специально для того, чтобы под ними происходило что-то значительное, и вода у берега тихо хлопала о гранит, как хлопает в ладоши ребёнок, которого никто не учил.

Трамвай сюда уже не ходил. Рельсы сняли, асфальт закатали, но Екатерина всё равно каждый раз слышала короткий металлический звон, когда проходила это место, и каждый раз говорила себе, что это в ушах.

Она села на скамейку, ту самую, где полагалось сидеть двум литераторам в тот вечер, когда вместо разговора о Христе завели разговор об иностранце, и засмеялась своим мыслям, потому что скамеек здесь было сорок, а она села именно на эту. В голове у неё, как на приёме у хорошего секретаря, выстроилась очередь героев, и каждый рвался вперёд со своим вопросом.

С Воландом она бы разговаривать не стала, потому что он задаёт вопросы вместо ответов и всегда платит за ужин так, что потом расплачиваешься ты. С Коровьевым было бы легко и весело, но через полчаса обнаружилось бы, что ты подписала бумагу, о которой не помнишь. Бегемот разорил бы её на валерьянке и на посуде. Она сразу вспомнила об Аристархе, который остался на страже жилища в одиночестве в столь поздний час. Мастер испугался бы уже того, что она к нему подошла, и это было бы грустно, потому что ей нравилось, как он пишет.

- А вот с Аннушкой я бы, пожалуй, поболтала, - сказала Екатерина вслух, и голос её прозвучал в ночи так неожиданно, что она сама на него оглянулась.

Аннушка, та самая, что разлила подсолнечное масло у турникета, была, если разобраться, самой страшной фигурой всей книги. Ни одного злого намерения, ни одной мечты о чужой гибели: шла себе женщина с примусом и авоськой, споткнулась, и мир переехал трамваем человека, который был уверен, что всё знает наперёд. Екатерина всю жизнь работала с людьми, которые считали, что держат свою судьбу за руку, и знала цену таким рукам. Аннушке она бы налила чаю и спросила, каково это, когда история начинается с твоей разлитой лужи.

Она не успела додумать, что скажет в ответ.

Из переулка, со стороны Спиридоньевского, отделился человек и пошёл к пруду по той же стороне, что и она, и в этой его походке не было ни спешки, ни праздности; так ходят люди, которым совершенно некуда опаздывать и очень хорошо известно, что они никуда не опоздают. Жизнь для них — момент, который они проживают каждую секунду. Издалека он был высокий, сухой, в пальто цвета остывшего кофе и в серой фетровой шляпе, сдвинутой чуть набок не по моде, а по привычке. В темноте блестела трость с серебряной головой.

Екатерина смотрела на него и улыбалась. Ей вдруг пришло в голову, что Булгаков списал бы его с места в карьер: иностранец, ночь, аллея, трость, шляпа. Он подойдёт, заговорит о чём-нибудь невозможном, предложит сигару, а потом окажется, что вся её жизнь с сегодняшнего утра была устроена для этой встречи.

Человек поравнялся со скамейкой, и в свете фонаря она увидела его лицо: длинное, сухое, с высоким лбом, с той холодной и безупречной отделкой черт, какая у мужчин, привыкших, что их снимают. Глаза под шляпой были темнее, чем полагалось. Он приподнял шляпу ровно на столько, на сколько требовало приличие.

- Доброй ночи, - сказал он голосом без единой лишней ноты, и в этом голосе не было ни тепла, ни холода, ни любопытства, только точность.

- Доброй, - ответила Екатерина, человек прошёл мимо, и трость его щёлкнула по асфальту ровно так, как стучит по клавише человек, уверенный в инструменте.

Она обернулась, потому что такие, как он, заставляют оборачиваться. Аллея была пуста. Не то чтобы он успел уйти; между ним и поворотом к Спиридоньевскому лежало шагов пятьдесят, и уйти за такое время было некуда.

Екатерина посидела ещё минуту, потом встала и пошла домой, удивляясь не столько человеку, сколько тому, что в воздухе над Патриаршими настойчиво и совершенно неуместно пахло подсолнечным маслом. Гастроном за углом был закрыт часа три, а маслом в последний раз торговали в другой жизни.

Она ещё не знала, что увидит его снова, и не где-нибудь, а в своём кабинете, куда он придёт на приём, и что вспомнит тогда не лицо, а эту шляпу и трость, которая стучала с точностью хорошо настроенного инструмента.

Подросток и тишина

Екатерина проснулась за минуту до будильника, и это была единственная дисциплина, которая за годы ни разу её не подвела. В комнате стоял тот особенный предрассветный сумрак, в котором вещи ещё не решили, какие они, и комод с комодом не спорил, а просто держал на себе фарфор и книги. Она протянула руку и коснулась хрустальной сферы на тумбе: сфера была тёплая, как ладонь, которую только что убрали, и по всем правилам это означало прозрачный день, ясные видения и лёгких клиентов.

- Врёшь, - сказала Екатерина сфере и встала.

Сон она помнила весь, целиком, что случилось с ней раза три в год. Ей снился длинный коридор с дверями по обе стороны, тот самый, который неделю назад отразился в мокром круге от стакана, только во сне он был не отражением, а местом, по которому можно идти: паркет скрипел, за дверями кто-то дышал, и по коридору, впереди, шёл человек в серой фетровой шляпе и с тростью. Он не оборачивался, но она знала, что он знает, что она идёт следом. У одной из дверей он остановился, положил на неё ладонь и сказал, не поворачивая головы: «Здесь пока закрыто». Голос был тот самый, ночной, без единой лишней ноты, и от этого голоса у неё во сне не было страха, а было то чувство, с каким смотрят на реку с моста: голова кружится, и всё-таки стоишь.

Потом она стояла на Патриарших, у пруда, и вода в пруду была чёрная, а на воде качалась одна-единственная жёлтая полоса, как будто кто-то разлил масло, и она подумала во сне: вот, опять Аннушка со своим бидоном. Дальше начиналось что-то про котят и про старуху с примусом, но уже без картинок, а так, как бывает, когда сон пересказывает сам себя. Екатерина проснулась с ощущением, что её только что оборвали на полуслове.

Она налила воды, выдавила лимон, бросила щепотку морской соли, выпила всё до дна, по привычке заземляясь, и села к окну, обхватив колени. Река текла вниз, гладкая, с редкими вспылками от фонарей, и в ней отражалось сразу два берега, что было полной ерундой с точки зрения физики и совершенной правдой с её собственной.

Сферу она потрогала второй раз, из вредности. Сфера была тёплая.

В дневник она записала: «Коридор. Двери. Он сказал: здесь пока закрыто. Пахло подсолнечным маслом». Потом перечитала предыдущую страницу, где неделю назад стояла дурацкая фраза про приятную болтовню с Воландом на Патриарших, и усмехнулась: она тогда начиталась Булгакова, а через неделю Булгаков будто прочитал её и прислал ответ по адресу.

Хатха-йога не пошла. В балансовых асанах, где обычно наступает блаженное молчание, у неё в голове шёл ровный гул, как в трансформаторной будке, и один и тот же вопрос переформулировался в трёх вариантах: кто он, зачем именно сейчас, и почему из всех скамеек она села на ту, с которой он оказался рядом. Екатерина не верила в совпадения. Точнее, верила, но считала их дверями, которые кто-то открывает с другой стороны, и теперь с интересом ждала, что за дверью.

Аристарх Игнатьевич, уловив смятение, попытался сесть ей на ногу, потом уронил с подоконника горшок с черенком и этим окончательно вернул утро в бытовое русло. Она насыпала ему корм, сварила кофе, но пузырьки пересчитывать не стала: пена в турке поднялась и опала так быстро, что считать было нечего.

У двери она, по привычке, положила ладонь на холодную ручку.

- Какая дверь сегодня открыта для меня? - спросила она, и ручка под ладонью оказалась холодной, а сама дверь еле слышно дрогнула, как дрожит в электричке стакан на столике.

Холод означал день для уединённой работы. В календаре у неё стоял приём за приёмом.

- Значит, не для работы, - сказала Екатерина, надела пальто и вышла, и всю дорогу до Москва-Сити она смотрела не в телефон, а в отражение в окне такси, где ничего, кроме её собственного лица и улицы, не появлялось.

Алина встретила её в приёмной с видом человека, который знает больше, чем написано в календаре.

- Екатерина Львовна, первым у нас сегодня... - она посмотрела в телефон и деликатно вздохнула, - подросток. Пятнадцать лет. Родители просили прийти с ним вместе, я посадила их в холл и напоила кофе. Мальчик молчит. Мама говорит за всех, папа смотрит на часы и один раз спросил, надолго ли.

- Работающие родители?

- Оба. - Алина помолчала и добавила с той осторожностью, с какой она сообщала неприятное: - Мама представлялась как Наталья Игоревна, а папа сказал: «Мы все врачи, у нас династия». Думаю, это было главное.

Екатерина вошла в кабинет, включила торшер, зажгла свечу и поставила на место три предмета, но когда садилась в кресло, поймала себя на том, что смотрит не на дверь, а на тёмное стекло камина.

Дверь открылась, и первым вошёл мальчик. Худой, с чёлкой до бровей и наушниками на шее, в сером худи, из-под которого торчал воротник школьной рубашки, будто его надели с утра, не подумав, что худи будет сверху. Он сел в кресло, не спросив разрешения, и сразу устался на камин.

Екатерина посмотрела на него и на секунду не поверила глазам.

От людей всегда шло хоть что-нибудь. От тихих шла одна нить, от ярких три, от Ирины Валерьевны - десятки. От этого мальчика не шло почти ничего: поле вокруг него было пустым и ровным, как снег во дворе в шесть утра, и только от левого плеча, тускло, почти не светясь, тянулась одна линия, прямая и мёртвая, и упиралась она в стену кабинета, за которой, если верить её дару, лежал коридор медицинского центра. Екатерина с удивлением осматривала подростка. С там жизненным потенциалом он давно должен был быть мертв. Однако он сидел напротив, вполне розовощекий и сытый, отчего становилось не по себе.

Следом вошли родители, и кабинет сразу стал теснее. Наталья Игоревна, женщина в хорошем пальто и с той быстрой приветливой улыбкой, которой люди пользуются вместо ключа, села на край дивана, готовая в любую секунду прийти на помощь. Отец, Олег Викторович, остался стоять, посмотрел на часы, потом на искусственный камин и, кажется, остался недоволен обоими.

- Мы, если честно, не очень верим во всё это, - начала мать, и улыбка её сделалась ещё приветливее. - Но нам сказали, что вы работаете с подростками. Даня у нас мальчик способный, очень. Он у нас с математикой дружит, и в школе его хвалят, просто сейчас такой возраст, когда он ничего не хочет. Мы решили, что нужно с ним поговорить с кем-то, кроме нас.

- А что говорит Даня? - спросила Екатерина.

Она смотрела на мальчика. Он не поднял головы и не изменился в лице, но у левого плеча, там, где тянулась мёртвая линия, на миг вспыхнул огонёк: маленький, слабый, как спичка в сквозняке. Вспыхнул и погас, оставив после себя горстку пепла.

- Даня у нас согласился, - ответила мать. - Мы же не заставляем. Мы объяснили: медицина - это профессия на всю жизнь, у нас династия, дед был хирургом, папа...

- Наталья, - сказал отец негромко, и она замолчала.

- Хорошо, - сказала Екатерина. - Тогда давайте так: вы посидите в приёмной, а мы с Даниилом поговорим минут двадцать. Без вас ему будет проще сказать то, что он думает.

- Мы не против, - поспешно сказала мать и встала, и в ту же секунду стало видно, как она боится того, что скажет её сын.

Дверь закрылась. В кабинете повисла тишина, плотная и неловкая, и Даня наконец посмотрел на Екатерину, исподлобья, как смотрят на человека, который сейчас будет уговаривать покупать.

- Скажите, - попросила она, - вы бы хотели стать врачом?

Он пожал плечами.

- Ну, это же нормально. Все хотят.

- Я не про всех. Я про вас.

- Нормальная профессия, - сказал он ровно. - Помогать людям. Деньги опять же.

- А игры?

Он замолчал так резко, что стало слышно, как в стене гудит вода в трубах. И снова у плеча мелькнул огонёк, ещё короче прежнего. Образовалась вторая горстка пепла.

- Игры - это несерьёзно, - сказал он наконец и добавил, будто читая по бумаге: - Это баловство. Мне папа объяснил.

- Понятно. А если бы никто вам ничего не объяснял?

Даня не ответил. Он смотрел на свечу, и в лице у него было то мучительное выражение, с каким человек считает в уме сложное и не хочет, чтобы его за этим застали.

- Я кое-что сделал, - сказал он вдруг совсем тихо. - Игру. Про город, который не просыпается. Там надо ходить по домам и включать свет. - Он запнулся. - Ну, я три года уже. На телефоне в основном. Никто не играл, кроме меня и одного человека с форума. Или двоих.

- И что вы чувствуете, когда её делаете?

- Как будто не зря.

Екатерина смотрела не на него, а на его поле, и видела то, что видела бы, наверное, любая мать на её месте: человек в кабинете был не пустым, он был задавленным, как трава под камнем. Все его нити, кроме одной, ссохлись в зародыше, потому что каждую из них в зародыше кто-то потрогал пальцем и сказал: несерьёзно, сжигай. И он все эти искорки на сама деле сжигал, оставляя после них горстки пепла от ярких идей. То, что осталось, мёртвой прямой шло в медицинский центр, и не потому, что Даня хотел туда, а потому, что это была единственная дорога, которую ему не запрещали.

- Я не буду вас ни в чём убеждать, - сказала Екатерина. - И советовать вам ничего не буду, потому что вы человек пятнадцати лет и довольно взрослый. Я предложу вам одно упражнение, если согласитесь. Сутки вы не спрашиваете советов. Ни у кого: ни у папы, ни у мамы, ни у друзей, ни в интернете. Начните с меня: я вам ничего не советую. А ещё сутки записывайте всё, после чего вам хочется жить, хотя бы по одной строке.

- Это как? - спросил он, и по голосу было слышно, что он уже согласился, но торгуется для приличия.

- В блокноте. В телефоне. Как хотите. И ещё одно: когда что-то из этого будет приятным, замечьте, как это выглядит изнутри. Не как надо, а как ваше.

Он посмотрел на неё и вдруг спросил совсем не по-детски:

- А вы с врачами так же разговариваете? - и кивнул в сторону двери, за которой сидели его родители.

- С врачами - нет, - сказала Екатерина. - С врачами я разговариваю как с людьми, которые знают, что правильно, и очень устают от этого знания. Они ваши родители и хотят лучше. Но чаще всего лучше для них, а не для вас.

Даня впервые улыбнулся, коротко, а в приёмной Наталья Игоревна сразу подалась навстречу, и Олег Викторович снова посмотрел на часы.

Когда они ушли, Екатерина записала в блокнот: «Даня. Поле пустое. Одна нить в медицину. Потенциал заглушён, а не отсутствует. Упражнение: сутки без советов». Посидела над строчкой и подумала о том, что за последние сутки ей дважды показали людей, у которых всё

решено кем-то другим: одна осталась из-за матери, другой ещё не начал из-за отца. Она не любила делать теории на двух случаях, но теории делались сами, как тесто на окне.

В приёмной Алина записывала кого-то на завтра и, судя по интонации, собеседник ей не нравился: она говорила вежливо, а в паузах поджимала губы.

* * *

Через две недели Даня пришёл сам. Алина потом доложила об этом отдельно, как докладывают о происшествии: записался по телефону, голосом взрослым и вежливым, а на вопрос, с кем его посадить, ответил, что сажать никого не надо, он уже большой. Мать он поставил перед фактом, и Наталья Игоревна, судя по всему, звонила в клинику уточнить, действительно ли её сын записался к психологу и не ошибся ли он адресом.

Он вошёл без худи, в рубашке, которая была ему великовата, с рюкзаком и с тем сосредоточенным лицом, с каким люди приходят на экзамен, к которому готовились. Сел в кресло, достал телефон, положил его на колени экраном вниз и выдохнул.

- Я всё сделал, - сказал он. - Сутки. Ни одного совета. Я даже у мамы не спросил, можно ли мне чай.

- И как?

- К вечеру было плохо, - честно ответил Даня. - Как будто я иду по улице и не знаю, куда, а спросить нельзя. Потом прошло. - Он помолчал. - Я в одиннадцать вечера сидел на кухне и понял, что мне никто не мешает. Просто сидеть. И это было лучше всего за неделю.

Екатерина смотрела на него и не сразу заметила, что случилось с его полем. Оно больше не было пустым и темным. От Дани теперь расходились нити, и они не тянулись, как у всех, а летели: тонкие, светлые, разлетающиеся в разные стороны, как стрелы, выпущенные разом из одного лука. Одна уходила в потолок и гасла где-то у лампы, вторая упиралась в стену и обрывалась, третья вилась вокруг кресла, четвёртая уходила в город, пятая загибалась обратно и жалила его самого. Их было столько, что рябило в глазах, и ни одна не была длиннее двух шагов.

- Странно, - сказала Екатерина. - Раньше у вас была одна дорога, мёртвая. Теперь их много.

- Это плохо?

- Это нормально для человека, который наконец разрешил себе хотеть. - она кивнула на телефон. - Показывайте список.

Список был на экране, в заметках, и в нём стояло четырнадцать пунктов. Даня читал их вслух, спотыкаясь, потому что писал для себя и теперь видел, как это выглядит со стороны: «свет в семь утра», «когда папа не заходит в комнату», «делал уровень три часа и никто не сказал, что это несерьёзно», «музыка из подъезда, где эхо», «когда получается свет», «разговор с человеком с форума про механику».

- Много, - сказал он, дочитав, и посмотрел на неё с той тоской, с какой люди смотрят на счёт за ремонт.

- Много, - согласилась Екатерина. - И все живые. Только они у вас короткие, потому что вы их по очереди трогаете и бросаете. Нить набирает свет не оттого, что вы её заметили, а оттого, что вы по ней идёте. Найдёте одну и зацепитесь. Не на всю жизнь, я вас не жениться прошу, где долго и счастливо и до конца дней. На год, на два, чтобы она успела стать дорогой, а не стрелой.

- А какую? - спросил он сразу, и было видно, что этот вопрос он готовил всю дорогу сюда.

- Вот уж нет, - сказала Екатерина. - Я вам не скажу. Я вам скажу, как это делается. Из тех, что летят, выберите ту, которую вам будет жаль потерять. Не самую умную, не самую денежную и не ту, которую одобрит папа. Ту, без которой будет тише, и не в хорошем смысле.

Даня долго молчал, глядя в свой список так, будто видел его впервые. Потом сказал, не поднимая головы:

- Можно я скажу, а вы не будете смеяться? Я хочу делать игры. Не такие, чтоб стрелять. Такие, чтоб город просыпался. - он поднял глаза. - Это же можно.

- Можно, когда вы немного повзрослеете, вам будет можно все, - ответила Екатерина. - И ещё: пока вы это говорили, одна ваша стрела вытянулась шагов на десять. Догадаетесь какая.

Он засмеялся, коротко и недоверчиво, как смеются, когда отпустило.

- Я вам тогда клянусь, - сказал он серьёзно. - Я назову что-нибудь в вашу честь. У меня в городе будет район Львовский. В честь вас, потому что вы Львовна. Там будет свет включаться.

Екатерина поблагодарила и сказала, что район в её честь ей предлагают впервые, а район с работающим освещением - вдвойне.

Он уходил, натягивая рюкзак на одно плечо, и уже в дверях обернулся.

- Мне когда приходить?

- Когда зацепитесь, - сказала она. - Или через месяц, если не зацепитесь, тогда будем разбираться почему.

Алина, провожая его, потом сказала, что мальчик попросил квитанцию на оплату и вытащил из кармана деньги, сложенные вчетверо, и объяснил, что это его, из накопленного на видеокарту.

- И что вы сделали? - спросила Екатерина.

- Взяла, - ответила Алина. - Он же не в подарок принёс, а за работу. - и добавила, чуть помолчав: - Но скидку я ему сделала, не спрашивайте какую.

Екатерина вернулась в кабинет, где всё ещё висел слабый, как после фейерверка, свет разлетевшихся стрел, и записала в блокнот: «Даня. Пришёл сам. Поле проснулось. Нитей много, все короткие. Задача одна: не выбрать правильную, а идти по одной». Посидела, глядя на строчку, и подумала, что это упражнение не помешало бы половине её клиентов, включая ту женщину в плаще, которая выбрала остаться, и, если честно, ей самой.

Ложный вопрос

Утром Алина встречала Екатерину Львовну в приёмной с тем лицом, с каким секретари докладывают о стихийном бедствии, которое ещё не случилось, но уже назначено на сегодня.

- Екатерина Львовна, тот клиент, который вчера записывался. - она протянула распечатку. - Марк Игоревич Волжин, в одиннадцать. Я, честно говоря, хотела его переписать на другого специалиста, но он сказал, что ему нужны именно вы, и что он готов ждать.

- Чем он вам не понравился?

- Тем, что он мне понравился, но у вас плотная запись, - ответила Алина, и это была единственная фраза за три года работы, в которой Екатерина не нашла ни капли кокетства.

Волжин пришёл ровно в одиннадцать, минута в минуту, и в приёмной не задержался ни на секунду дольше, чем требовало приличие. Екатерина услышала, как он вошёл: сначала шаги, ровные, как метроном, потом щелчок трости о паркет, потом короткое «спасибо» Алине таким металлическим голосом, от которого в комнате не прибавилось ни тепла, ни холода.

Он вошёл в кабинет и остановился на пороге, давая себя рассмотреть. Высокий, сухой, в тёмном пальто, которое сидело на нём так, будто шили его на человека, который никогда не сутулится; в руке серая фетровая шляпа, у пальто перчатки, у перчаток ни одной морщины. Ему было на вид за пятьдесят, а может, и меньше: лицо его было таким гладким и таким строгим, что возраст на нём не читался, как не читается дата на монете, которую долго носили в кармане.

- Добрый день, Екатерина Львовна, - сказал он, и она узнала голос сразу, всем позвоночником, без всяких там предчувствий и мистики. - Меня зовут Марк Игоревич. Спасибо, что согласились меня принять.

- Проходите, - сказала она. Голос её, к её собственному удивлению, звучал совершенно ровно. - Садитесь, где удобно.

Он сел в кресло у камина, а не на диван, положил шляпу на колени, перчатки рядом со шляпой, трость прислонил к подлокотнику так, чтобы та не касалась пола, и медленно оглядел кабинет с той спокойной внимательностью, с какой врач оглядывает чужую операционную: не осуждая, а отмечая, что где лежит. Его взгляд дольше всего задерживался на старинных предметах, он кивал, как будто отдавал должное мастерству творителей, одобряя каждый штрих.

- Хорошая абстракция, - сказал он, глядя на картину из нитей. - Её писали не для того, чтобы она нравилась, а для того, чтобы в неё смотрели. И камин не горит. Вы его включаете под клиента, да? Включите, будьте так добры. Хочется огня и спокойствия.

- У вас есть вопрос, Марк Игоревич, - сказала Екатерина, включая камин. - Задайте его так, будто уже знаете ответ.

Он чуть склонил голову набок, и в этом движении было столько же вежливости, сколько у кошки, которая садится у мышиной норы. Марк долго всматривался в языки пламени, не торопясь ни секунды, как будто ждал подсказки от стихии.

- Хорошо. - он откинулся в кресле и посмотрел ей прямо в лицо. - Как работает ваш дар? Можете объяснить его механику?

Комната не изменилась. Свеча горела, песок сыпался, вода в трубах гудела, камин потрескивал, но у Екатерины появилось ощущение, будто её аккуратно и без нажима взяли за локоть и повели не туда, куда она собиралась.

- Это не вопрос о вашем пути, - сказала она.

- Я знаю. - он не улыбнулся, но что-то в его лице стало довольным. - Я не за своим путём пришёл, Екатерина Львовна. Я пришёл за вашим.

- За моим путём?

- За вашим методом. - он произнёс это слово с той любовью, с какой инженеры произносят «схема». - Я тридцать лет занимаюсь тем, что люди называют интуицией, а я называю обработкой данных, которая происходит быстрее, чем человек успевает её осознать. Я видел много людей, которые умеют то, чего не умеют другие. И почти всегда это оказывается либо шарлатанство, либо очень хорошая наблюдательность, помноженная на самоуверенность. У вас очевидно развита шишковидная железа ибо вы не производите впечатления ни того, ни другого. Поэтому я спрашиваю: как это устроено? Опишите механизм. Своими словами, без мистики.

Екатерина откинулась в кресле и посмотрела на него так, как смотрят на человека, который в чужом доме попросил вскрыть стену и показать проводку.

- Я отвечу метафорой, - сказала она. - А вы уж сами решайте, мистика это или нет. Представьте реку. У неё есть русло, есть течение, есть берега, но если вы встанете на мосту и бросите в воду щепку, вы не скажете, куда она приплывёт через час, потому что вода не идёт по одной линии. Она идёт сразу везде. Вот так и здесь. Когда человек спрашивает меня о своём пути, я вижу не дорогу, а потоки: то, что в нём уже течёт, и то, куда это течение может его вынести. Я вижу несколько русел и не вижу ни одного берега. Механизма я вам не объясню, потому что не знаю его. Я не инженер, Марк Игоревич, я лодочник.

- Лодочник, - повторил он, и по тому, как он это сказал, было понятно, что слово он складывает в память.

- А теперь мой вопрос, - сказала Екатерина. - Что вы видите перед собой? Прямо сейчас. Он поднял брови.

- В каком смысле?

- В том самом. Вы задали мне вопрос про механизм. Я спрашиваю про результат. Смотрите на меня и говорите, что видите.

Он смотрел на неё секунды три, и она смотрела на него, и кабинет вокруг стал очень тихим, как бывает в комнате, где двое играют в шахматы и оба уже знают, что партия не про фигуры.

Екатерина видела коридор.

Длинный, с дверями по обе стороны, с паркетом, который скрипел на каждой третьей доске, с жёлтым светом, идущим не от ламп, а откуда-то из-под потолка; тот самый коридор, в котором она шла во сне неделю назад и в котором впереди неё шёл человек в серой фетровой шляпе. Теперь этот человек стоял в нём неподвижно, лицом к одной из дверей, и ладонь его лежала на двери, и за дверью было слышно ровное, глухое гудение, как от серверной или от очень большой воды.

- Я вижу дверь, - сказала она вслух и услышала, как её собственный голос звучит суше, чем ей хотелось бы. - Одну. И вас перед ней.

Волжин не пошевелился, но что-то в нём всё-таки дрогнуло, как дрогает стрелка прибора, когда рядом включают что-то мощное.

- И что за дверью?

- Не знаю. Я туда не вхожу.

- Но вы можете войти?

- Я не хожу в чужие двери, Марк Игоревич, тем более без приглашения. Я и в свои-то не всегда захожу.

Он медленно откинулся в кресле, взял шляпу с колена, повертел её в руках и поставил обратно. За всё это время он ни разу не посмотрел в сторону свечи, но пламя вдруг наклонилось к нему, ровно, как трава под ветром, хотя форточка была закрыта, и Екатерина отметила это отдельно, аккуратно, как отмечают в протоколе.

- Значит, вы всё-таки видите, - сказал он с удовлетворением, которое не потрудился спрятать. - Это уже немало. Большинство на вашем месте рассказало бы мне про ауру и карму, а вы сказали «дверь». Вы, простите, наблюдатель. Вас интересно слушать. Детали — ваш конек.

- Вы пришли не за консультацией, - отрезала Екатерина. Этот разговор начал ее утомлять.
- Я пришёл за разговором, - поправил он мягко. - Пока.

Он подался вперёд, и в этом движении не было ни угрозы, ни нажима, ничего такого, на что можно было бы обидеться, и всё же Екатерине показалось, что кресло под ней стало меньше.

- Скажите, Екатерина Львовна, - спросил он, - а что происходит с человеком, которому вы показали три дороги и который выбрал одну? Вы проверяли его через год? Через пять? Вы знаете, что стало с той девушкой, Любовью, которая ушла из вашей компании в детскую школу? - Он сделал паузу ровно на один вдох. - Я знаю. Я навёл справки. Это, кстати, было нетрудно: вы оставили после себя очень аккуратный след.

Что-то холодное прошло у Екатерины по спине и остановилось где-то между лопатками. Она вспомнила, как сама, стоя в кабинете десять лет назад, сказала девушке с честными глазами: «А что, если вам вовсе не нужно быть разработчиком?» - и как потом та позвонила и отказалась от оффера.

- Вы считаете, что я кому-то навредила? — спросила Екатерина, мучаясь от внутреннего вопроса, откуда он знает такие мельчайшие подробности.

- Я считаю, что вы вмешались, - сказал Волжин. - С самыми добрыми намерениями, разумеется. И вы не знаете, что из этого вышло, потому что вам никто не докладывает. А я, представьте, любопытен. Я тридцать лет собираю такие истории. Люди, которые умеют видеть чуть больше других, и люди, которые потом живут с последствиями. Это, если хотите, моя коллекция.

Екатерина смотрела на него и чувствовала сразу две вещи, и вторая была хуже первой. Первая состояла в том, что он опасен. Вторая: ей было интересно. Неприятно интересно, как бывает интересно смотреть, как человек без страховки идёт по канату, и одновременно хочется, чтобы он дошёл, и хочется, чтобы упал.

- Сорок пять минут, - сказал он вдруг, кивнув на песочные часы. - У вас сеанс сорок пять минут. Это не про клиента, это про вас. Вы боитесь, что дальше начнёте тонуть. Значит, вы уже тонули. - он посмотрел ей в глаза. - Кто вас вытащил?

- Время, - сказала Екатерина и перевернула часы, хотя песка оставалось ещё на треть. - Я вас больше не задерживаю, Марк Игоревич. Если вы захотите прийти с вопросом о своём пути, я вас приму. С вопросами о моём - нет.

Он встал без обиды, легко, как встают люди, у которых всё идёт по плану, надел шляпу, потом перчатки, потом взял трость.

- Я не прошу вас мне доверять, - сказал он у двери. - Я прошу вас подумать. Предназначение, Екатерина Львовна, - это не мистика. Это алгоритм, и его можно взломать. Вопрос только в том, кто сделает это первым: вы или кто-то другой.

Марк взглянул на камин жестким волевым взглядом и тот мгновенно потух.

- Спасибо за камин. Это было мило, - сказал он уходя.

Он не оставил ни визитки, ни телефона, ни даже намёка на то, как его найти. Оплатил вперёд, картой, попросил чек, попрощался с Алиной и ушёл, и в приёмной после него стало так тихо, что было слышно, как в холодильнике на кухне капает вода.

Алина зашла в кабинет и остановилась у порога.

- Что это было? - спросила она.

Екатерина не ответила. Пламя свечи всё ещё стояло криво, наклонённое в ту сторону, где сидел Волжин, и в тёмном стекле камина коридор не исчез: он уходил вглубь, за отражение кресел, и в конце его кто-то очень аккуратно закрывал дверь.

Она поняла, что не помнит, как он выглядит. В памяти остались пальто, шляпа, трость, перчатки без единой морщины и голос, который произносил слова с точностью хорошо настроенного инструмента. Лица не было.

Она сказала Алине, что следующие два часа у неё заняты, и Алина, которая за три года научилась различать оттенки хозяйского «занята», отменила один приём и перенесла другой, не задав ни одного вопроса.

Екатерина сидела в своём кабинете одна, в кресле, где только что восседал Он, и смотрела на погасший камин. Камин выключился не от её руки. Искусственный огонь, который в этом кабинете держался всегда, как держится на сцене декорация, вдруг погас в ту секунду, когда Волжин на него посмотрел, и погас основательно, с тихим щелчком реле. Она слышала, как он сказал «спасибо за камин», в голосе его была та вежливость, от которой в комнате нечем дышать.

Она поймала себя на том, что улыбается.

Вот это было хуже всего. Не коридор, не фраза про алгоритм, не наведённые справки про Любовь, а то, что она сидела в своём собственном кресле и улыбалась, как гимназистка, которой на перемене сказали что-то, чего нельзя повторять взрослым. Мужчин, способных так её разозлить и так заинтересовать одновременно, она встречала за всю жизнь раза три, и все трое были, если честно, не подарками.

В обед она открыла ноутбук и набрала в поиске: «Волжин Марк Игоревич». Поиск подумал и выдал ей немного: программу научной конференции 2011 года, в которой фамилия стояла в середине списка, доклад с невнятным названием про нейропластичность и принятие решений, ссылку на журнал, которая вела в никуда, и одну фотографию, которая не загрузилась, оставив на экране прямоугольник с серым человеком. Она открыла программу, нашла строку, зачем-то записала в блокнот дату, потом закрыла ноутбук и сказала себе тихо, вслух:

- Он Воланд, ну конечно. Воланд с пропиской, медицинским образованием и папкой для чужих историй.

Алина в этот день заходила к ней трижды и трижды заставляла её смотрящей в одну точку, чего за Екатериной Львовной не водилось никогда.

Вечером Екатерина не зашла сразу домой, а завернула в квартиру Анны Петровны, хотя была у неё вчера и никакого повода не было, кроме того, что в этом доме был один человек, которому можно было рассказать половину, не объясняя вторую.

Соседка выслушала её молча, не перебивая, и по мере рассказа лицо у неё становилось не испуганным, а старым, как становится лицо актёра, когда он снимает грим.

- Он трогал тростью пол? - спросила она.

- Трогал. Щёлкал.

- И камин сам погас, - сказала Анна Петровна не вопросом, а так, как ставят галочку. - Катенька, вы пили у меня кофе или чай?

- Кофе.

- Вот и хорошо. - она встала, достала из буфета свечу, обычную, восковую, какие держат на случай отключения света, и зажгла её посреди стола, не объясняя ничего. - Теперь слушайте меня, деточка, и не перебивайте. Я таких видела двоих в жизни. Один был режиссёр, второй служил чиновником при министерстве. Оба были обаятельные до изжоги, оба умели так посмотреть, что ты сама себе расскажешь всё, чего они от тебя хотят, и оба потом очень удивлялись, когда их не любили. Такие приходят не за даром.

- А за чем?

- За тем, чем вы дышите. - она села напротив и накрыла её руку своей, сухой и тёплой. - Вы сейчас сидите и думаете о нём. Не спорьте, я по лицу вижу. Он ушёл из вашего кабинета, а вы всё ещё держите ему дверь и смотрите вслед. Вот этого он и добивался: чтобы вы держали дверь и продолжали смотреть. А дальше он войдёт, и не с вопросами про механику, а с чем-нибудь приятным, потому что умные люди всегда заходят через приятное.

- Он ничего не сделал, - сказала Екатерина. - Он задал вопрос и ушёл.

- Он и не должен ничего делать, - ответила Анна Петровна. - Достаточно, что вы о нём думаете. Вы, Катенька, женщина взрослая и умная, и вы знаете, что капля камень точит не силой, а частотой. - она отпустила её руку. - И ещё одно. Свечу эту не тушите, пусть догорит.

Екатерина пообещала не тушить, поцеловала соседку в сухую щёку и вышла на лестницу, и на лестнице, где мрамор гулко отдавал каждый шаг, она вдруг поняла, что не согласна. Что её не убедили ни свеча, ни разговоры про министерство, ни даже то, что в словах Анны Петровны было на три четверти правды. Потому что впервые за много лет ей показалось, что рядом с ней человек, с которым можно не играть в спокойную.

До Патриарших от их дома было двадцать минут быстрым шагом, и она прошла их в темноте, не заходя домой.

Вечер на Патриарших был совсем не такой, как та ночь, в которой встретился Марк. В том, что тогда ей встретился именно он, не было никаких сомнений. Сегодня гуляли пары, у воды сидели на корточках двое с гитарой, женщина в пуховике продавала тюльпаны из ведра, и все эти люди были совершенно живыми, тёплыми и ничуть не загадочными, от их обыкновенности Екатерине стало вдруг смешно на себя. Она села на ту же скамейку, поправила полы пальто и стала ждать.

Ждать оказалось делом неожиданно утомительным. Она ловила себя на том, что смотрит на прохожих, как смотрит охотник на камыш: вот идёт мужчина в кепке, вот мужчина в наушниках, вот ещё один в шляпе, сердце делает короткий толчок, и шляпа оказывается кепкой, а мужчина - школьником с самокатом. Она проверила телефон, потом проверила его ещё раз, хотя никто ей не писал, и поняла, что за последний год не ждала ни одного сообщения так, как сейчас ждала, что из переулочка выйдет человек с тростью.

Через полчаса она начала с ним разговаривать. Не вслух, конечно, вслух она бы себе этого не позволила; но в голове у неё уже шёл ровный, хорошо выстроенный диалог, в котором она задавала ему те вопросы, которых не задавала в кабинете. И в этом диалоге она, к своему стыду, была остроумна, спокойна и совершенно не боялась.

Потом она сказала себе: хорошо. Если он придёт, я спрошу его про дверь в коридоре. А если не придёт, я встану и пойду домой, и это будет самое взрослое, что я сделаю за неделю.

Он не пришёл.

Прошёл час, за ним второй, гитаристы собрали вещи, женщина с тюльпанами ушла. Нераспроданные тюльпаны она унесла с собой, и на Патриарших остались только фонари, вода и она сама в пальто на скамейке. Лебеди у дальнего берега спали, уткнувшись клювами в перья. Мимо прошёл мужчина в куртке и спросил, не найдётся ли зажигалки, и Екатерина сказала, что не курит. Тогда он вежливо попрощался и пошёл дальше, и вот этот, единственный за вечер, человек, который к ней подошёл, оказался курильщиком без зажигалки.

Она встала, потому что сидеть больше не имело смысла, и по дороге к дому поймала себя на том, что идёт медленно и всё ещё поглядывает по сторонам, и рассердилась на себя уже по настоящему.

Москва в этот час была похожа на человека, который тоже кого-то не дождался и теперь делает вид, что так и надо. Кофейня на углу уже закрылась и повернула стулья ножками вверх, как поворачивают лица к стене, официант считал вилки и не поднимал головы, в окне второго этажа синел телевизор, и в этом синем свете женщина в халате гладила что-то, чего не было видно. Мокрая листва на бульваре блестела так, будто её специально натёрли, а не намочил дождь, и решётки ливнёвок принимали воду с тем равнодушием, с каким старость принимает чужие жалобы.

Екатерина шла и чувствовала, как её злость на себя вытекает в город и устраивается там, как жильцы меняются квартирами: она отдавала улице своё раздражение, а улица отдавала ей свою усталость, и очень скоро она поймала себя на том, что уже не злится, а просто идёт. Города умеют это делать, и Москва умела лучше многих: она подхватывала настроение, как

старый оркестр подхватывает тему, и играла её обратно, только медленнее и в миноре, чтобы человеку было не так стыдно за то, что он чувствует.

Потом началось обратное. Мимо прогнали собаку в попоне, похожей на пальто её хозяйки, и обе они шли с одинаково обиженными мордами; из приоткрытой двери пахло жареной картошкой и мокрым подъездом, и запах этот был до того домашним, что у Екатерины зануло под ложечкой; такси притормозило у бордюра, посветило фарами, убедилось, что она не хочет ехать, и уехало. Она замедлила шаг, и город немедленно замедлился вместе с ней: фонарь зажётся за шаг до того, как она под него вошла, вода в луже перестала рябить, и над рекой, куда она спустилась по Никитскому, стало вдруг так тихо, что слышно было, как внизу, за парапетом, дышит течение.

Она остановилась на мосту и посмотрела на воду, в которой отражались огни, и подумала, что город ей сейчас не собеседник и не декорация, а зеркало, в которое её пустили без очереди: что бросишь, то и увидишь, и если бросить злость, вернётся злость, а если бросить пустоту, вернётся пустота, только уже с процентами. И она бросила в реку одну короткую честную мысль о том, что ей сегодня было интересно и страшно, и это оказалось приятнее, чем она готова была признать.

К дому она подошла уже без злости, с мокрыми ногами и с тем странным спокойствием, какое остаётся после длинного разговора, в котором никто никого не переспорил, но все остались живы. Над подъездом горел единственный фонарь, и в его свете мрамор у входа был такой же белый, как в тот день, когда она сюда переехала.

Дома было тепло и тихо. Аристарх Игнатьевич вышел в коридор, посмотрел на часы на её руке, потом на неё и ушёл в сторону кухни с тем видом, с каким взрослые дети встречают родителей, вернувшихся слишком поздно. Хрустальная сфера на тумбе была холодной, как в первый день творения. Свечу от Анны Петровны Екатерина зажгла, как обещала, и та горела ровно, без потёков, и от её света в кухне было почти уютно.

В дневнике она записала два слова: «Никого не было». Посидела над строчкой и дописала, честно, как писала всегда, когда понимала, что обманывать себя глупее, чем признаваться: «Я ждала».

Потом она долго стояла в коридоре перед трюмо с треснувшим зеркалом, где по стеклу шла тонкая, как волос, линия, и в этой линии на секунду показался длинный коридор с дверями по обе стороны, а в конце его дверь, приоткрытая ровно настолько, чтобы оттуда падал свет.

Екатерина посмотрела на неё и не отвела глаз. Дверь не закрылась. Свет не погас.

- Подумаю об этом завтра, - сказала она вслух и пошла спать.

Тени в сети

Коридор снился ей четыре ночи подряд, и с каждой ночью в нём прибавлялось по двери.

В первую ночь она просто шла по нему, слыша, как скрипит каждая третья доска, и знала, что идёт правильно, хотя не помнила, откуда и куда. Во вторую она уже трогала ручки: латунные, холодные, с затейливым литьем, какие бывают на дверях в старых квартирах, где жили люди с прислугой. Некоторые ручки поддавались легко, дверь отходила на палец, и оттуда тянуло то тёплым, то сырым, то запахом чужих духов, и каждый раз, когда это случалось, Екатерина стояла на пороге, держала дверь за ручку и не входила. Что-то держало её за плечи, за воротник, за то место между лопатками, где у человека живёт осторожность.

В третью ночь она услышала за одной из дверей отцовский голос. Отец говорил негромко, с той своей интонацией, с какой он объяснял что-то важное и был уверен, что его поймут с полуслова: «Екатерина, ты не туда смотришь». Она проснулась с мокрым лицом и с ощущением, что её поймали на чём-то постыдном.

В четвёртую ночь коридор стал длиннее, двери пошли сплошняком, и в самом конце его была одна, приоткрытая, и из-под неё падал свет, ровный и жёлтый, и во сне Екатерина точно знала, что за этой дверью её ждут, и так же точно знала, что не дойдёт.

Аристарх Игнатьевич к среде перестал с ней разговаривать. Буквально.

Он не мяукал, не тёрся о ноги и не приходил на кухню, когда она варила кофе; он лежал на подоконнике спиной к комнате, положив хвост отдельно от себя, и всем своим видом сообщал, что его мнение о происходящем известно миру уже две недели, а мир не чешется. Когда она всё-таки принесла ему угощение, он посмотрел на миску, потом на неё, потом на миску, и ушёл в гардеробную спать на её шарфах.

- Я понимаю, - сказала ему Екатерина, - я плохая мать.

Кот не ответил, что было в его манере и означало полное согласие.

В пятницу Мария, которая управляла квартирой лучше, чем сама хозяйка, объявила, что уезжает на выходные к матери в деревню, и оставила в холодильнике три кастрюли с вежливыми записками, а на столе - список, куда что положить и чего не трогать. В субботу утром Екатерина проснулась и поняла, что не хочет никого видеть, и, чтобы эта мысль не превратилась в целый день лежания с телефоном, надела старое платье, повязала голову платком, как делала её бабушка перед большой стиркой, и объявила пустому дому:

- Сегодня убираемся.

Дом не ответил, но где-то в шкафу стукнула дверца, на этом переговоры закончились.

К половине двенадцатого Екатерина поняла две вещи: что она живёт в двухстах квадратных метрах, которые знает хуже, чем свой кабинет, и что у неё слишком много вещей, о которых она не помнит, как они появились. Мария мыла это всё годами, и годами же всё это стояло в своих местах, только теперь, протирая полку за полкой, хозяйка увидела, что предметов больше, чем воспоминаний.

За книгами в кабинете, там, где до неё не доставала ни одна тряпка, лежал лист бумаги, сложенный вчетверо. Екатерина развернула его и села на подлокотник кресла. Это был рисунок, сделанный простым карандашом, детской рукой, но с той странной аккуратностью, какая бывает у детей, которые долго стараются: длинный коридор с дверями по обе стороны, вид сверху и в перспективе одновременно, как рисуют дети, не знающие законов. В конце коридора была дверь, приоткрытая, и от неё шли растопыренные лучи. Внизу, косо, карандашом было написано: «Здесь пока закрыто».

Екатерина смотрела на лист долго. Потом перевернула его: на обороте был чек из гастронома, датированный прошлой осенью, за молоко, хлеб и сыр, и сумма была такая, будто покупали на двоих.

Она отложила рисунок, встала и пошла в спальню, к комоду с бельём, где в нижнем ящике лежало то, что не нужно никому, кроме потомков: старые письма, открытки, ленточки от коробок. Там, в углу ящика, под стопкой салфеток, лежал латунный ключ. Небольшой, тяжёлый, с ушком в виде трилистника, и на бородке его была выбита цифра семнадцать. От чего был этот ключ, Екатерина не знала: ни в квартире, ни на даче, ни в гараже, которого у неё не было, замка такой величины не имелось.

Ключ был холодный. Она подержала его в кулаке, и он не согрелся, что с латунью не бывает, это разозлило её сильнее, чем следовало. В какой-то момент ей показалось, что у нее стартует ранняя стадия Альцгеймера, и она теряет память. сколько не пыталась екатерина вспомнить, откуда взялись все эти вещи, на ум ничего не приходило.

- Так, - сказала Екатерина вслух, и голос её прозвучал в пустой спальне глупо и громко.
- Это уже ни в какие ворота.

Она попыталась остановиться, докопаться до подсознания и все-таки вспомнить, откуда взялся ключ. Вспомнила только белую стену, солнечный день и то, как пахло в тот день на лестнице, а дальше в воспоминании обнаруживался ровный, аккуратный провал, будто кто-то вынул оттуда кусок ваты.

До обеда она нашла ещё две вещи, и обе не помнила.

В ящике дубового стола, между старыми папками с документами и коробкой от хорошей ручки, лежал лист в клетку, сложенный вдвое. На нём её собственным почерком, тем старательным почерком, каким она писала в двадцать два года, было выведено несколько строк с интегралами и внизу, отдельно, обведённое дважды: «наблюдатель меняет результат». Формула была знакомая до ломоты в пальцах, но она никак не могла вспомнить, что именно считала этой формулой и зачем обвела фразу дважды. Под бумагами, в самом углу ящика, нашлась жестяная коробочка из-под леденцов, а в ней - три пуговицы, две монеты по десять копеек и засохший кусочек мела. Мел был белый, обломанный с одной стороны, как обмакнутая кисть.

- Хорошо, - сказала Екатерина. - Значит, я собираю коллекцию забытых вещей.

Дом к вечеру стал чистым и чужим, как бывает с человеком, которого помыли и причесали против его воли. Она сидела на полу в кабинете, вокруг стояли ведра и банки, в этот момент зазвонил телефон.

- Екатерина Львовна, простите, что в выходной, - сказала Алина, и по голосу было слышно, что она звонит не из вежливости. - Вы сейчас можете сесть за компьютер? Не с телефона, лучше за компьютер.

- Что случилось?

- Я не знаю, как это назвать. - Алина помолчала, и в этой паузе было слышно, как она подбирает слова, чего за ней не водилось. - Я вам три ссылки в мессенджер скинула. Посмотрите, пожалуйста, сами. И потом позвоните, ладно? Я на связи.

Екатерина вытерла руки, села за стол и открыла первую ссылку.

Это был чат, один из тех, где люди с серьёзными лицами обсуждают, как правильно загадывать желания. Она пролистала вниз, и в середине длинной ветки, между советами про карту желаний и отзывом о каком-то марафоне, увидела кусок собственного текста: четыре абзаца из той самой статьи, которую она написала в двадцать два года, с формулами, переписанными аккуратными символами, и припиской от автора поста: «Один умный человек объяснил, что всё это давно описано в квантовой физике. Материал для понимающих».

Второй ссылкой был форум, где спорили о том, как отличить психолога от шарлатана, и кто-то под ником из трёх цифр рассказывал историю «подруги», которая ходила к женщине-консультанту в Москва-Сити. Историю Екатерина читала с тем холодным вниманием, с каким врач читает чужую историю болезни, где всё искажено, но диагноз угадывается. Подруга пришла с вопросом, получила три дороги, выбрала одну, и стало хуже. Ни фамилий, ни адреса, но три дороги, Москва-Сити и «она ещё считает пузырьки в кофе» были точны до неприличия.

Третья ссылка вела на сервис отзывов, где у Екатерины Львовны была своя страница, солидная, с рейтингом четыре и восемь и с отзывами постоянных клиентов, которые писали «спасибо за честность» и «без воды». Между ними, как поганки между грибами, стояли три свежих комментария без имён. Первый: «Осторожно, товарищи. Милая женщина, но методы...». Второй: «Развела на деньги, теперь не знаю, кому верить». Третий был длиннее и написан почти вежливо, и от этой вежливости у Екатерины похолодели пальцы: «Была один раз. Свечи, камин, песочные часы ровно на 45 минут. Скажите, пожалуйста, она вообще следит за клиентом или за тем, чтобы уложиться в час?»

Она прочитала это ещё раз. Потом вспомнила как подошла к камину и потрогала его тёмное стекло. Камин был выключен, и выключила его не она.

Про свечу, камин и сорок пять минут знали два человека на свете. Один из них был человек с тростью, который сказал «спасибо за камин» и не оставил визитки. Марк.

Екатерина вернулась к столу, закрыла ноутбук и посидела, глядя на рисунок с коридором, лежавший рядом с клавиатурой. Потом надела пальто поверх домашнего платья с мокрыми от уборки рукавами и вышла на лестницу, к соседке.

Анна Петровна открыла сразу, будто стояла у двери, и, увидев мокрые рукава и лицо, с которым не ходят в гости, не стала ничего спрашивать. Она просто отступила в сторону, вымолвив:

- Проходите. Только не садитесь на светлое, у вас руки в чём-то.

На столе у неё всё ещё горела та свеча, которую она зажгла вчера, догорела до половины и держалась ровно.

Екатерина рассказала всё, как было, без порядка и без красот: и про чат, где висел её собственный текст, и про форум с подругой, у которой три дороги и которой стало хуже, и про комментарий, где были свеча, камин и сорок пять минут. Анна Петровна слушала, не перебивая, руки её лежали на столе, сухие, спокойные, как у человека, который в молодости держал на ладони чужие судьбы и знает, сколько они весят.

- Кто мог это знать? - спросила Екатерина, закончив. - Про камин и часы. Люди приходят и уходят, они не запоминают обстановку. Алина знает, но она бы...

- Алина не стала бы, - согласилась Анна Петровна. - Алина из тех, кто скорее себе руку откусит. - она помолчала. - Катенька, вы когда в последний раз смотрели, что о вас пишут?

- Никогда. Это же отзывы, их читают клиенты, а не я.

- Вот. - соседка подняла палец, и в этом жесте было столько театральной торжественности, что даже свеча, кажется, выпрямилась. - Вы жили, как живет хороший мастер: делали свою работу, и вас находили по рекомендации. Вас знали те, кому надо. А теперь вас узнают те, кому не надо, и узнают не по вашим делам, а по чужому пересказу. Кто-то хочет, чтобы вы стали видимой - но не в том свете, в котором вы хотите.

Екатерина сидела и вертела в руках латунный ключ, который принесла показать. Анна Петровна взяла его, взвесила на ладони, поднесла к свече.

- У нас в театре такие были, от гримёрок, - сказала она наконец. - С номерами. У меня был четырнадцатый, у Марии Павловны, нашей бессменной дивы - двенадцатый. - она вернула ключ. - Откуда он у вас?

- Не помню. Нашла в комод, под салфетками. Искренне пыталась вспомнить, но увя.

Анна Петровна посмотрела на неё внимательнее обычного, в её глазах не было ни испуга, ни жалости, а гуляло что-то тяжёлое, как у человека, который узнал знакомую болезнь у собственного ребёнка.

- Тогда я вам скажу вот что, - проговорила она медленно. - В моём возрасте память - это решето, из него всё вытекает, и это нормально. Но у вас, деточка, память не решето. У вас в памяти двери. И то, что вы не помните, вы не потеряли, вы за ними оставили.

- Это вы мне сейчас про дом или про меня?

- Про всех нас, - сказала соседка и встала, и стало видно, что разговор её утомил. - Идите домой, Катенька. Отзывы не читайте, на Патриаршие этой неделей не ходите, а свеча пусть догорит до конца. И ещё одно: когда он появится снова, а он появится, вы вспомните, что он вам тогда сказал на лестнице, и не спорьте с ним. Просто вспомните.

- Кто он?

- Тот, кто вас увидел, - ответила Анна Петровна. - Остальное вы сами знаете, только ещё не сказали себе.

Дома Екатерина положила ключ в верхний ящик, рядом с брелоком в виде ключика, который носила с собой с юности и который однажды спас её от чего-то, о чём она тоже не помнила. Аристарх Игнатьевич, к её удивлению, вышел к ней, потёрся о ногу и позволил себя взять на руки, и от этого кошачьего великодушия она чуть не заплакала.

В ту ночь коридор ей не снился. Это было хуже.

Коридор по традиции пришёл и был не пустой.

Екатерина шла по нему и слышала рядом шаги, лёгкие, частые, с прищёпыванием, будто кто-то шёл в обуви не по размеру. Слева от неё ступал незаурядный молодой человек приятной наружности, рыжий, с волосами, торчащими в разные стороны, как солома из плохо завязанного снопа, в клетчатом пиджаке невероятной расцветки, в брюках в тон и в башмаках, которые были ему велики ровно настолько, что он в них шаркал. На носу у него сидело пенсне на шнурке, и одно стекло в нём было треснувшее.

- Не отставайте, мадам, - тараторил он, - и не озирайтесь, здесь это ни к чему. Здесь озираться поздно, здесь надо идти и слушать, что вам рассказывают люди знающие.

- Аристарх Игнатьевич? - внезапно спросила Екатерина.

- Он самый, только в парадном виде, - охотно подтвердил рыжий. - Кот, знаете ли, существо домашнее и в таких местах предпочитает не показываться лично, а посылает представление. Я, если хотите, его мнение о вас. Учтите, мнение лестное, иначе я бы выглядел иначе.

Он шёл рядом, заложив руки за спину, и говорил с той лёгкостью, с какой экскурсоводы рассказывают про картины, которые им самим давно надоели.

- За каждой дверью, Екатерина Львовна, живёт свой человеческий демон. Не черти с рогами, помилуйте, какие рога, двадцать первый век. Демоны у нас теперь скромные, воспитанные, живут тихо и питаются тем, что им сами приносят. Вот, извольте видеть, дверь номер шесть. Там сидит демон чужого одобрения. Ничего не делает: сидит и ждёт, когда вы в последний момент передумаете и сделаете так, как понравится другому. Кормится регулярно, не жалуется.

- А эта?

- Демон отложенной жизни. У него в комнате всё прибрано, книжки сложены, чемодан стоит собранный с восемьдесят девятого года. Он всё собирается, всё собирается, а вы всё не едете.

- Эта?

- Демон вежливости. Самый безобидный на вид и самый прожорливый. Он вам никогда не нахамит, он вам даже чаю предложит, а потом вы окажетесь в гостях у людей, к которым не хотели идти, и присидите у них до полуночи, и похвалите пирог.

Он шёл и называл их одного за другим: демон понедельника, который портит воскресенье заранее; демон хорошей девочки, который держит спину прямой, когда хочется лечь; демон чужих денег, который объясняет, что вам за это ещё и спасибо скажут; демон разговора, который так и не состоялся, - этот жил в самой дальней комнате и разговаривал чужими голосами.

Потом рыжий остановился.

Они стояли перед дверью, на которой была латунная табличка с цифрой семнадцать, и в замке этой двери Екатерина, к своему удивлению, узнала ту самую скважину, к которой подошёл бы ключ из комода. Свет из-под двери был ровный и жёлтый.

Рыжий снял пенсне, протёр его клетчатым рукавом, нацепил обратно, и в его лице не осталось ничего от балагана.

- А сюда не надо, - сказал он тихо. - Туда ей не надо. - он повернулся к Екатерине. - Я вам это повторяю третий раз, а вы всё идёте. Вы женщина взрослая, вам сказали. Не надо.

- Что там?

- То, что вы туда сами положили, - ответил он. - И, судя по тому, как оно оттуда светит, вы положили туда самое дорогое и сделали это очень аккуратно.

Она хотела спросить ещё что-то и не смогла: во рту стало сухо, слова не шли, и она почувствовала, что её тянет за плечи, за воротник, за то место между лопатками, где у человека живёт осторожность.

Екатерина проснулась в холодном поту, села на кровати и первым делом посмотрела на подушку рядом.

Аристарх Игнатьевич спал на одеяле, свернувшись калачиком, рыжий, тёплый, с совершенно невинной мордой, и храпел так, что подрагивал край простыни.

- Ты, - сказала Екатерина шёпотом. - Ты, значит, у нас теперь экскурсовод.

Кот не проснулся, но во сне сделал движение лапой, будто кому-то показал, куда идти.

До утра она просидела в кресле на кухне, закутавшись в плед, с остывшим чаем, и в какой-то момент поняла, что пальцы у неё дрожат не от сна, а от усталости, которая копилась неделями: коридор, трость, отзывы, ключ, чужие двери, своё имя в чатах, где его никогда не должно было быть. Она взяла телефон и в четверть пятого написала Алине: «Утром перенеси всё, что можно, на неделю. Мне нужен отпуск, иначе меня накроет окончательно».

Ответ пришёл мгновенно, как будто Алина не спала вовсе: «Давно пора. Куда?»

Екатерина посмотрела в тёмное окно, за которым начинало синеть, и написала: «Куда угодно, где нет коридоров».

К шести она уснула в кресле, и на этот раз ей не снилось ни коридора, ни парня в клетчатом, а снилось что-то тёплое и сдобное, кажется, Машины сырники, и просыпаться было почти жалко.

Встреча у шкафа

Отпуск Екатерина решила провести в Москве, и это оказалось лучшим решением за год.

Уехать ей было некуда и незачем: страна, в которую она собиралась, называлась «куда угодно, где нет коридоров», и, подумав об этом утром в кресле, она поняла, что коридоры ей мерещатся не в Суздале и не в Плесе, а в собственной голове, и возить голову по городам нет никакого смысла. Аристарх Игнатьевич, услышав, что чемоданов не будет, вышел из гардеробной и позволил себя любить, чем окончательно решил вопрос взаимопонимания.

Первым делом она позвонила Алине и сказала, что неделю не принимает, а всё, что можно, пусть перенесут.

- Всё, что можно, я перенесла, - дoloжила Алина. - А один всё равно пришёл. Мужчина, между нами, из тех, кто приходит не лечиться, а проверить, не дурят ли других. Спрашивал: «А что тут у неё такого, за что такие деньги?»

- И что вы ответили?

- Сказала, что ничего особенного: обычный психолог, сидит в кресле, часы на сорок пять минут, кофе не предлагает. - Алина помолчала. - А он всё равно записался. На следующую неделю. Сказал: «Посмотрим».

Екатерина усмехнулась и положила трубку. Ещё полгода назад такая новость её бы развеселила: люди приходят проверять, она их проверяет в ответ, и это честная игра. Любят люди сыграть на свои деньги. Теперь же она поймала себя на том, что мысленно начала готовиться к обороне, и это было неприятнее всего остального. Отзывы, комментарии, форум с подругой и тремя дорогами: раньше её знали по рекомендациям, теперь её знали по шуму, а шум, как известно, распространяется быстрее хорошей молвы, потому что хорошую молву рассказывают шёпотом и по одному человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.